

Кифа

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

9 (195) 12+
июль 2015

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 4–5

«И под крыльями Его будешь безопасен»

В СФИ завершился 27-й учебный год: 21 выпускник богословского факультета получил государственный диплом бакалавра. В этом номере мы публикуем фрагменты одной из выпускных работ, посвященной богословскому осмыслению понятия «духовной безопасности»

С. 6

По следам наших публикаций

Наши постоянные читатели, конечно, помнят публикацию о Красноуловском, где нескольких прихожан решили не причащать (а один раз не причастили даже их детей). Для тех, кого глубоко опечалил этот рассказ, у нас есть две новости: одна хорошая, вторая – грустная

С. 6

Пройдя до половины

Вот уже полгода «Кифа» задумывается о 25-летию Преображенского братства и вспоминает самые разные события, происходившие за эти годы, последовательно продвигаясь по линии времени. За половину юбилейного года мы не спеша дошли примерно до середины двадцатипятилетнего срока

Приложение «Открытая встреча»

Сегодня мы рассказываем о том, как пришел в церковь в начале 1990-х председатель Свято-Андреевского братства и как ему пришла в голову мысль о необходимости серии интервью, восполняющих отсутствие в церкви настоящего диалога. А ещё мы вспомним об «Инклингах» и рыцарях Круглого стола

Тема номера Приближается юбилей Преображенского братства

Епископ Макарий (Опоцкий)

«Истинная молитва состоит в том, что имеет смелость сказать: "мы ум Христов имеем"»

Выходит в свет сборник молитв из наследия существовавшего в годы советских гонений братства епископа Макария (Опоцкого)

О том, как возникла мысль об издании сборника, рассказывает один из его составителей Александра Буданова:

Ещё 5 лет назад, когда Анна Дмитренко защищала в СФИ выпускную работу, посвящённую епископу Макарию (Опоцкому), ни одной составленной им молитвы не было известно. То, что они были обретенны – это целая цепочка чудес, которые можно воспринимать только как Божье благословение. В 2011 году во время паломничества в Череповец удалось узнать о том, что до сих пор жива братчица из братства владыки Макария (Опоцкого) – Е.И. Пикина, которой в то время было 88 лет. Но связаться непосредственно с ней тогда не получилось.

Чудом один из племянников Екатерины Ивановны осенью того же года нашёл в интернете фильм Преображенского братства о Н.Н. Неплюеве, в конце которого Анна Дмитренко рассказывала о владыке Макарии (Опоцком). Посмотрев его, Екатерина Ивановна захотела познакомиться с Аней. И это знакомство, опять же чудом, состоялось. Правда, сама Екатерина Ивановна отнеслась к этому просто. Она сказала Ане, подчёркивая Божье водительство: «Ну, как бы мы с Вами встретились? Это ж Господь!» И оказалось, что именно она хранила архив братства, собирая всё, что оставалось у сестёр, которые умирали раньше. Во время одной из встреч Екатерина Ивановна показала тоненькую тетрадочку в клеточку – молитвослов, который она разрешила сфотографировать.

Одну из молитв члены нашей общины решили включить в своё правило на время Рождественского поста, да так и не захотели прекращать её молиться и делают это по сей день. Многие говорили, что хотели бы включить и некоторые другие молитвы в своё личное утреннее или вечернее правило.

Позже в семейном архиве было найдено ещё несколько тетрадей с молитвами. Благодаря возможности сделать доклад в магистратуре СФИ по литургическому опыту братства владыки Макария удалось ещё раз убедиться, что эти молитвы могли бы быть востребованы.

Окончание на с. 8

Научное открытие и Божественное откровение

Что открывает человеку Бог и что может открыть наука, обсуждали физики и клирики на очередной встрече в СФИ

28 июня в СФИ прошла очередная конференция «Физика и богословие». За два года, что продолжаются эти встречи, вопрос о соотношении научного и духовного познания, опыта веры и доводов разума так или иначе затрагивался на каждой встрече. И отправной точкой для нынешнего разговора послужило то, что наука и вера представляют собой не взаимоисключающие, не противостоящие, а дополняющие друг друга способы познания. В ходе обсуждения удалось выявить их особенности и нащупать некоторые принципиальные различия между ними.

На одно из них указал академик Алексей Старобинский. Наука познаёт природный мир по частям, объясняя повторяющиеся части законами. Откровение позволяет увидеть взаимосвязи внутри целого, что даёт ключ к пониманию и отдельных его частей.

Отец Георгий Кочетков заметил также, что природный мир человек познаёт по своей инициативе и в научном познании открывает то, что уже существовало в мире до него. Откровение же даёт человеку Сам Бог, и в нём всегда открывается то, чего в мире никогда прежде не было.

Соловки: люди, лица

В середине июля на Соловках прошла конференция «История страны в судьбах узников Соловецких лагерей». Конференция была сравнительно небольшой – всего десять докладов в течение двух дней – и была посвящена Антонине Алексеевне Сошиной, многолетней сотруднице Соловецкого музея, стоявшей у истоков изучения лагерной истории Соловков. Во многом именно благодаря её усилиям в музее существует богатая экспозиция, посвящённая этим двадцати годам жизни архипелага. Почти все доклады рассказывали о новых находках из жизни СЛОНа – Соловецкого лагеря особого назначения, который впоследствии был переименован в УСЛОН, а затем в ИТЛ. Интересно, что некоторые доклады были сделаны потомками о своих дедах.

Георгий Михайлович Осоргин. Рисунок М.М. Осоргиной. 1921. Частное собрание, Москва

Георгий Осоргин рассказал о своём родном деду, полном тёзке, офицере царской армии, расстрелянном на Соловках. Вместе с ним на остров приехали сестра и дети, представители следующего поколения Осоргиных. Прямо на конференции проходили некоторые научные споры. Так, сотрудница Соловецкого музея Ольга Бочкарёва предположила, что Георгий Осоргин не понимал, чем рискует, когда вёл себя совершенно безбоязненно, свободно говорил о том, что не любит советскую власть, или о том, что участвовал в попытке освобождения царской семьи. Тут же с места поднялся Всеволод Волков, не согласившийся с этим утверждением: Осоргин всё понимал, а действовал так оттого, что не хотел идти на недопустимые, на его взгляд, компромиссы.

Мариам Яндиева также рассказала о своём деду – Созерко Мальсагове, которому удалось бежать из Соловецкого лагеря в 1925 году вместе с Георгием

Бессоновым и ещё тремя заключёнными. Будучи мусульманином, Созерко Артагонович взял с собой из лагеря моленый коврик, в то время как Георгий Бессонов не расставался с Евангелием. Оба они считали, что в их победе им помог только Бог. Спасшись, они опубликовали за границей свои книги о Соловецком лагере. Впоследствии во время Второй мировой войны Мальсагов участвовал в польском и французском Сопротивлении, имел подпольную кличку «Казбек». Вместе с Мариам на Соловки приехал её сын, правнук Созерко Мальсагова, а также ещё несколько человек из Ингушетии, родины Созерко.

Всеволод Волков, сын соловецкого узника Олега Волкова (многие знают его по книге «Погружение во тьму»), подготовил доклад о священномученике Николае Пискановском, который в 1920-е годы сыграл большую роль в удержании православной церкви на Украине от расколов.

Проректор СФИ Дмитрий Гасак и старший научный сотрудник Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Евгений Иванов

Продолжение на с. 3

Окончание на с. 2

Церковь и общество

Соловки: люди, лица

Начало на с. 1

Он был помощником еп. Макария (Кармазина), который смог организовать неподконтрольную органам связь между епископатом украинской церкви, тайно рукополагал епископов, верных патриарху Тихону, и поддерживал создание объединений духовенства и мирян, независимых от власти. Отец Николай обеспечивал безопасную связь внутри церкви, объезжал при необходимости различные епархии, организовывал доставку подписанных епископами Украины актов на подпись митр. Сергию (Страгородскому) и т. п.

По предложению организаторов конференции – Соловецкого музея, монастыря и Товарищества северного мореходства – основной акцент на ней был сделан на человеке, на судьбах конкретных людей – узников ГУЛАГа. Старец Елисей и профессор Иван Михайлович Андреевский, академик Лихачёв и переживший восемь арестов священник Николай Соколов – в докладах всем известные имена перемежались с только что найденными в результате научных изысканий. Открывал конференцию сам наместник монастыря – архимандрит Порфирий (Шутов). Среди докладчиков – представители обители – её благочинный архимандрит Ианнуарий (Недачин), ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников» иерей Вячеслав Умнягин,

руководитель паломнической службы монахиня Никона (Осипенко); сотрудники музея – Анна Яковлева и Ольга Бочкарёва; гости из Москвы и Петербурга – доктор церковной истории, кандидат исторических наук иерей Александр Мазырин (ПСТГУ), хранитель архива Дмитрия Лихачёва в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН Олег Панченко и др. Интересно, что двое из семи узников, которым были посвящены доклады конференции, были членами одного и того же православного братства, существовавшего в Ленинграде в 1927–1928 годах, – во имя преп. Серафима Саровского. Иван Андреевский был одним из его основателей, а Дмитрий Лихачёв – активным членом. Оказавшись в эмиграции, Иван Андреевский вступил в другое братство – Свято-Владимирское, которое занималось среди прочего изданием и распространением православной литературы.

Помимо докладов, посвящённых конкретным людям, были и более общие. Лидия Головова (ПСТГУ) рассказала о строительстве Беломорско-Балтийского канала. БелБалтЛяг был основан в 1931 году на базе Соловецкого исправительно-трудового лагеря. По требованию Сталина канал был построен в немыслимо короткие сроки – всего за двадцать месяцев. Многочисленные жертвы (по официальным данным – более ста

тысяч погибших, а по подсчётам заключённых – около двухсот) не привели к желаемому результату: построенный из подручных материалов при помощи простейших механизмов, собранных эсками, он не мог пропускать военные корабли и первое время вообще не использовался. Лидия Головова привела интересный факт: все расстрелянные в Москве палачи, причастные к Соловкам (их было несколько десятков), как и их жертвы, реабилитированы, за исключением одного человека – Апетера, бывшего начальником соловецкой тюрьмы с июня по декабрь 1937 года. Причины, по которым ему было отказано позднее в реабилитации, непонятны.

Олег Панченко (ИРЛИ РАН) рассказал о диалоге, произошедшем между Лихачёвым и Солженицыным в 1968 году. В ответ на слова Солженицына о том, что он желает построить храм в Звенигороде, Лихачёв ответил: лучше восстановить хотя бы один храм на Соловках, чтобы там читали неусыпающую псалтирь по всем невинно погибшим.

Сегодня, почти через сто лет после основания СЛОНа, на Соловках по-прежнему не читается неусыпающая псалтирь по всем невинно погибшим, однако об этих людях помнят, им посвящают выставки и экскурсии, в окнах некоторых храмов, бывших тюрьмами, можно увидеть решётки, а на двери

Наместник монастыря архимандрит Порфирий и Всеволод Волков открывают конференцию

храма на Секирной горе, бывшего когда-то самым страшным карцером лагеря, остался с тех времён дверной глазок надзирателя. В монастыре вышел третий том «Воспоминаний соловецких узников», и эти увесистые тома с не опубликованными ранее материалами планируется продолжать выпускать каждый год. Проходят конференции памяти жертв ГУЛАГа. По сути всё это и есть неусыпающая псалтирь – неусыпная молитвенная память о прошедшем. И всё-таки, глядя на лица когда-то сидевших здесь узников, портреты которых представляли докладчики, невольно задаёшься вопросом: что же должно произойти в нашей стране, чтобы правда о нашей недавней истории не отвергалась, чтобы о ней знал не только стар, но и млад и чтобы покаяние в геноциде собственного народа стало реальностью?

Анастасия Наконечная

Узлы памяти

Как связаны между собой изъятие церковных ценностей 1922 года и перспективы жизни нашей страны

24 июня в Музейно-выставочном комплексе «Новый Иерусалим» открылась выставка «Non licet vos esse. Не должно вам быть». Ранее выставка экспонировалась в храме Христа Спасителя в Москве, в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга и в других городах России. Проект организован Культурно-просветительским центром «Преображение», Преображенским братством, Свято-Филаретовским православно-христианским институтом и МВК «Новый Иерусалим».

На открытии выставки: дочь «врага народа» З.Ф. Недзельская и священник Георгий Кочетков

– Экспозиция настраивает нас на серьёзное понимание: читать и изучать её материалы, осмысливать их можно бесконечно долго, – сказала заведующая Экспозиционно-выставочным отделом МВК «Новый Иерусалим» Наталья Солохина на открытии выставки.

Алексей Наумов, президент Культурно-просветительского центра

«Преображение», рассказал, что экспозиция является одним из выставочных проектов КПЦ, цель которых – способствовать возрождению церкви и общества. Каждый из них посвящён тем страницам истории, которые забыты или искажены, но о которых необходимо знать, чтобы понимать, как люди в годы жесточайших гонений на церковь могли жить по вере, противостоять злу, сохранять своё достоинство.

Выставка, приуроченная к 90-летию кампании по изъятию церковных ценностей, каждый раз пополняется региональными материалами: в этот раз она рассказывает не только о разорении храмов Шуи, Москвы, Петрограда, но и Новоиерусалимского и Саввино-Сторожевского монастырей, местных храмов. На ней представлены редкие документы, газеты и фотографии 1920-х годов, мемориальные вещи, принадлежавшие исповедникам и новым российским мученикам, а также экспонаты из фондов МВК «Новый Иерусалим».

По словам Алексея Наумова, при подготовке выставки в МВК «Новый Иерусалим» открылись уникальные факты: например, что в 1918 году в Новоиерусалимском монастыре в ответ на призыв патриарха Тихона (Беллавина) к верующим объединяться для защиты святынь было создано Братство ревнителей православия, которое взяло на себя эту ответственность.

Ректор СФИ священник Георгий Кочетков поблагодарил руководство музея за возможность открытия выставки и порадовался за жителей Истринского

района, которые имеют возможность лучше познакомиться с этой драматической страницей истории нашей страны.

– Здесь мы свидетели одного из самых чудовищных фактов человеческой истории – разграбления церкви, которое прошло по всей стране. Это было не просто изъятие церковных ценностей, каких-то активов, мы прекрасно знаем, что нужно было по тайному решению советского правительства расстрелять как можно больше церковных людей. Не случайно Ленин тайно назначил для руководства этой операцией Троцкого, – продолжил отец Георгий. – Были открыты документы, и сейчас мы знаем то, чего люди прежде не знали: большая часть национальных богатств, культурных богатств страны была уничтожена, или расхищена, или продана, часто за несоответствующую цену. Мы остались без корней своей культуры, без своей веры, мы остались без лучших представителей церкви, тех, которые были расстреляны, или сосланы, или сломлены. И выставка даёт возможность увидеть – что было и что стало, не для того, чтобы унывать или кого-то судить и осуждать, а для того, чтобы возродиться, чтобы стать народом, который достоин этого звания, христианским народом или хотя бы культурным и духовным народом.

В завершение отец Георгий добавил: «Я надеюсь, что духовное возрождение церкви и народа будет идти быстрее. Мы видим, что процесс пошёл, но мы видим и огромные трудности, корни которых спрятаны глубоко внутри нас самих. И мы желаем, чтобы Господь простил грехи

наших предков, вольные и невольные, мы желаем, чтобы история новой России продолжалась, чтобы она была достойной и чтобы весь мир знал, что России есть что сказать всем, хотя это бывает и тяжело, и трудно».

Председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак в своём слове сказал, что необходимо углубиться в историю нашей страны, чтобы увидеть перспективы её жизни, жизни нашего народа. Особую трудность при этом представляет совмещение «двух памятей»: в качестве иллюстрации он привёл тот факт, что, например, в Москве ещё совсем недавно могли соседствовать улицы с такими названиями, как «Сергия Радонежского» и «Большая Коммунистическая».

– Мы вынуждены обращаться к своей истории не только для того, чтобы понимать её величие и значение, но и для того, чтобы развязать какие-то важнейшие узлы нашей памяти, – сказал он.

В завершение торжественной части все присутствующие были приглашены на первую экскурсию по выставке, которую провела руководитель авторского коллектива проекта Светлана Чукавина.

Дарья Макеева
Фото Марии Кайковой

Выставка продолжит свою работу до 31 августа.

Адрес: Московская обл., г. Истра, ул. Ново-Иерусалимская набережная, д. 1. Информация о проезде на сайте музея: www.museum-newjerusalem.ru

График работы: вт – вс: 10.00 – 18.00.

Предварительный заказ экскурсий: 8-968-764-52-12 (экскурсии проводятся: сб – 12.00, 15.00).

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд
«Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге:
в киоске «Предание»,
тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей
Москва:

+7-964-534-64-55
(Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56
(Анна Гринман),
+7-965-128-15-07
(Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981
(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,
oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 26 июля 2015 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 30 июля 2015 г.

gazetakifa.ru

Новости Свято-Филаретовского института

Научное открытие и Божественное откровение

Начало на с. 1

Что открывает человеку Бог и что может открыть наука, обсуждали физики и клирики на очередной встрече в СФИ

Ректор СФИ священник Георгий Кочетков представляет богословский взгляд на обсуждаемую проблему

Свою аналогию, объясняющую разницу между научным и богословским подходами к познанию, предложил Григорий Гутнер. Учёный, чтобы исследовать вещь, должен отнестись к ней как к объекту, совершенно внешнему по отношению к себе. Но христианство не предполагает взгляда на Бога и человека как на внешний мёртвый объект, здесь уместнее аналогии из повседневности: например, когда мы общаемся с друзьями, родными, продавцами в магазине, нам не нужно доказывать, существует ли этот человек, но важно понять, как строить с ним отношения.

Подводя итог разговору, академик Старобинский поделился таким выводом: есть мир неживой (природный), мир человеческий и мир духовный. Природный мир подчиняется закономерностям, которые открывает и исследует наука. Бог действует в человеческом мире. История показывает, что поступки многих людей обусловлены их верой, и определённая согласованность этих поступков даёт основания считать, что за ними стоит не фантазия, а определённая реальность.

Конференция «физиков и клириков» началась в СФИ в марте 2013 года и ставит своей целью свободный диалог и углубление взаимопонимания между представителями фундаментальной науки и христианского богословия.

За это время устоялся постоянный круг участников. Физики представляют академик РАН доктор физико-математических наук Алексей Старобинский, ведущий научный сотрудник Института астрономии РАН Александр Багров, кандидаты физико-математических наук старший научный сотрудник ИЗМИРАН Евгений Иванов, доцент Московского государственного университета дизайна и технологии Борис Алиев, главный специалист НИЦ «Курчатовский институт» Сергей Неретин; богословие и философию – ректор СФИ кандидат богословия священник Георгий Кочетков, первый проректор СФИ Дмитрий Гасак, заведующий кафедрой философии, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин СФИ доктор философских наук Григорий Гутнер, заведующий кафедрой богословия СФИ кандидат филологических наук Давид Гзгзян.

Ведущий научный сотрудник Института астрономии РАН Александр Багров, академик РАН доктор физико-математических наук Алексей Старобинский с супругой

Конференцию по традиции ведёт старший преподаватель СФИ и старший научный сотрудник ФИАН кандидат физико-математических наук Максим Зельников.

Софья Андросенко

Фото: Олег Свечников

Память

Такие разные учителя...

В рамках совместного проекта Преображенского братства и Ассоциации христиан трудящихся Италии (АКЛИ) 26 июня в Москве прошла встреча о жизни и служении двух представителей христианских церквей XX века – протопресвитере Виталии Боровом (1916–2008) и католическом священнике Давиде Турольдо (1916–1992).

Их биографии входят в книгу, изданную Преображенским братством и АКЛИ – «Современные пути святости. Наши учителя». В этой книге, изданной на двух языках – русском и итальянском, можно найти биографии как всемирно известных личностей, так и менее известных людей, чей духовный облик и церковное служение являются примером для многих поколений христиан.

Ведущим встречи был профессор Александр Копировский. О деятельности протопресв. Виталия Борового рассказывала Галина Ложкова, выпускница СФИ.

Чтобы рассказать о священнике Давиде Турольдо, в Москву приехали гости из Италии, среди которых была Ванда Гедин, знавшая отца Давида лично.

Галина Ложкова свой рассказ о протопресвитере Виталии Боровом дополнила фотографиями из личного архива отца Виталия и фрагментами видеинтервью с ним.

Отец Виталий – выдающийся человек, пастырь, проповедник, церковный дипломат, его называли «человек-эпоха», «академик церковного опыта», «пророк в облиции юродивого». Все служения, которые он нес, имели качество настоящей церковной жизни.

Он родился ещё до революции, в бедной семье, а умер уже в постсоветское время. Он был многолетним сотрудником Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, являлся профессором Московской и Ленинградской духовных академий. Отец Виталий известен во всём мире как представитель Русской православной церкви во Всемирном Совете Церквей. Также он был наблюдателем от Русской православной церкви во время всех заседаний Второго ватиканского собора. По свидетельству участников международных диалогов, о. Виталия всегда отличали не только уровень образованности, но прежде всего интеллигентность, уважение к собеседнику и его взглядам.

У отца Виталия был принцип всегда говорить правду. Он это аргументировал так: «Простите, я историк. Поэтому я должен говорить правду». Отец Виталий очень ценил духовное образование. Он говорил, что послужить церкви может только духовно образованный человек.

Александр Михайлович Копировский добавил, что отец Виталий испытывал давление со стороны советской власти, а также церковной иерархии. Он провёл всего несколько лет в Москве настоятелем патриаршего

Члены Преображенского братства и Ассоциации христиан трудящихся Италии вновь вместе вспоминали своих учителей

Богоявленского (Елоховского) собора и за это время изменил ситуацию в соборе своей проповедью и огненным служением. В то время не было другого такого проповедника, кто столь открыто говорил бы о проблемах церкви и общества. Перевод в Женеву стал для него настоящей ссылкой. Ему не дали реализоваться как церковному учёному, при том что он действительно мог бы стать «вторым Болотовым». В последние десятилетия жизни он глубоко понимал и поддерживал Преображенское братство. С 1996 года и до своей кончины о. Виталий Боровой был членом Попечительского совета Свято-Филаретовского института и участником всех значительных событий в его жизни. Он видел в братском общении залог возрождения церкви.

Ванда Гедин рассказала об отце Давиде и об общине, которая собралась вокруг него в аббатстве Фонтанелла.

Во время нацистской оккупации Милана отец Давид активно сотрудничал с антифашистским сопротивлением, выпускал и распространял из своего монастыря периодическое подпольное издание «Человек». Даже после окончания Второй мировой войны он говорил, что сопротивление никогда не прекращается – всегда есть несправедливость, против которой нужно бороться. Всю свою жизнь он занимал активную жизненную позицию, вместе с тем отказываясь записываться в какую-либо партию. Между 1948 и 1952 годами он приобретает широкую известность благодаря сборникам его стихов «У меня нет рук» и «Мои глаза увидят это». В 1953 году о. Давид отправился в длительное путешествие, посетив Австрию, Баварию, Англию, США, Канаду. Эта поездка была вынужденной: церковная иерархия попросила его выехать из страны, поскольку темы, которых он касался в проповедях, и позиция, которую он занимал в отношении ряда этических и политических вопросов, оказались неудобными для того времени. После высылки из страны отца Давида церковная иерархия старалась перемещать его с места на место, не давая ему собирать вокруг себя людей.

В 1962 году, в разгар работы Второго Ватиканского собора, он поселился в маленьком округе Фонтанелла, месте рождения папы Иоанна XXIII. В Фонтанелле располагалось очень красивое, древнее, восходящее к тысячному году аббатство с маленькой церквушкой, которую Давид восстановил, начав работы в одиночестве, а позже с помощью своих собратьев. Так собралась община «Casa di Emmaus». Кроме того, он начал издание журнала, посвященного духовным вопросам «Servitium», который выходит по сей день. Свою политическую и этическую позицию Давид продолжал отстаивать на различных встречах, в интервью на радио и телевидении. Он курировал издания на совершенно разные темы, связанные с христианской культурой, но

Священник Давид Турольдо и протопресвитер Виталий Боровой

наибольшей его заботой было творческое обновление молитвы и слушания Слова Божьего – он переложил псалмы в ритмическую форму, чтобы их можно было петь, а также сочинил множество новых гимнов и песнопений.

Молитва была для отца Давида постоянным поиском Бога. В конце литургии он говорил: «Если вы уйдёте со службы спокойными, значит, это богослужение не дало плодов». Нужно выходить с богослужения в состоянии кризиса, с обновлённым желанием идти в мир и свидетельствовать о Христе.

Отцу Давиду Турольдо приходилось претерпевать гонения от церковной иерархии, однако за несколько месяцев до его смерти архиепископ Милана Карло Мария Мартини публично попросил у него прощения и назвал его одним из пророческих голосов своего времени.

После многочисленных вопросов к обеим докладчицам мы пели псалмы. Было радостно от того, что мы смогли глубже познакомиться с отцом Давидом и отцом Виталием. В заключение приведу несколько слов, которые были в записке отца Давида, найденной в его комнате после его смерти: «Настоящий вопрос, который лежит в основе любой речи или беседы, – Сам Бог. Бог – это вовсе не ответ, Он – вопрос, и не столько вопрос о том, существует Он или нет, сколько – Кто Он, как о Нём размышлять, какие вопросы ставить... Бог как Вопрос – основа всякой религии и любой веры, Он присутствует в этике, эстетике и просто в жизненном опыте. Даже на глубине атеизма и нигилизма стоит этот Вопрос...»

Отец Давид и отец Виталий нашли ответ на этот вопрос. Для них им стал Иисус Христос, за Которым они следовали.

Анна Сахарова
Фото Марии Кайковой

В СФИ завершился 27-й учебный год: 21 выпускник богословского факультета получил государственный диплом бакалавра

1–2 июля состоялись защиты выпускных квалификационных работ на богословском факультете. К защите были представлены работы по богословию, истории церкви, Священному писанию и миссиологии.

«Все, кто защищался, проявили и определённые исследовательские качества, и стремление с любовью поработать над избранными темами, – поделился впечатлением от защит председатель Государственной аттестационной комиссии Алексей Мазуров, доктор исторических наук, ректор Московского государственного областного социально-гуманитарного института. – Были очень интересные и актуальные темы, в частности, по богословскому осмыслению категории безопасности в условиях XXI века. Было немало открытий, связанных с тематикой братской жизни и опыта новомучеников и исповедников. Студенты освещали эти вопросы, опираясь на архивные материалы Санкт-Петербурга, Вятского края, Рязани. Эти исследования не только показывают соответствующую квалификацию, но важ-

Государственная аттестационная комиссия

да». Её автор Игорь Милованов проделал кропотливый труд, систематизировав выступления отца Александра по клю-

секулярном характере понятия «духовная безопасность», распространённого в церковной среде: здесь гипертрофированная забота о себе сочетается с агрессивной в адрес тех, кто (часто безосновательно) воспринимается как источник опасности. Автор проследила связь этого концепта с отсутствием веры в человека и наметила пути его преодоления, во многом опираясь на труды румынского богослова священника Думитру Станилоае. В этом номере мы публикуем фрагмент этой работы.

На традиционном молебне по окончании учебного года ректор СФИ профессор священник Георгий Кочетков поздравил всех преподавателей и сотрудников с завершением очередного учебного года, а выпускников – с окончанием института и колледжа.

Выпускники, в свою очередь, делились рассказами о том, как при работе над дипломами чудесным образом устраивались обстоятельства дома и на работе, как руководители, с уважением относясь к духовному образованию своих сотрудников, давали дополнительный отпуск для поездок в архивы и работы над текстом.

21 студенту богословского факультета из Москвы, Архангельска, Вельска, Рязани, Кишинёва были вручены государственные дипломы бакалавров, двое из них окончили институт с отличием. Также 20 человек завершили обучение на факультете религиоведения. 38 человек окончили очное отделение Богословского колледжа. А у заочников выпускные экзамены ещё впереди.

Софья Андросенко

Фото: Алёна Каплина, Александра Строчева

Вручение дипломов

ны и для науки, и многие выпускники получили рекомендации опубликовать свои работы и продолжить обучение».

Несколько работ по истории церкви были посвящены малоизвестным церковно-общественным явлениям конца XIX – начала XX века: кружкам, братствам, студенческим сообществам и движениям, существовавшим в Русской церкви накануне и после переворота 1917 года. Эти исследования показывают, что жизнь церкви в это время была чрезвычайно разнообразна. Также в работах рассматривались вопросы церковно-государственных отношений, деятельность и взгляды выдающихся фигур в истории церкви: митрополитов Кирилла (Смирнова), Агафангела (Преображенского), Петра (Полянского), Афанасия (Сахарова), святого мученика Ивана Лаговского.

Анна Сафронова исследовала просветительскую деятельность «Христианского содружества учащейся молодёжи» в Санкт-Петербурге (1903–1916 гг.), Мария Озерская проанализировала в дипломе отношении иосифлянкой и кирилловской ветвей правой церковной оппозиции к политике митрополита Сергия (Страгородского). В работах по миссиологии студенты анализировали миссионерско-просветительскую деятельность Русской церкви, отдельных епархий и братств в конце XIX, XX и начале XXI века. Одна выпускная работа была написана в форме словаря-справочника по беседам протопресвитера Александра Шмемана на радио «Свобо-

чевым темам христианского свидетельства: Бог, человек, культура и др.

Одна из работ была посвящена богословскому анализу понятия безопасности, которое всё чаще упоминается в светских исследованиях по антропологии; говорят даже о появлении «личности безопасного типа» или «человека бдительного» (Homo Securitatis). Сопоставив секулярный концепт с представлением о безопасности в христианской традиции, выраженном в библейских и святоотеческих текстах, автор работы Елена-Алина Патракова пришла к интересным выводам. Один из них – о

«И под крыльями»

В современном мире безопасность становится одной из доминирующих ценностей. Можно ли положительно оценивать эту тенденцию? Или же в этом явлении есть отрицательные стороны?

С одной стороны, отрицание безопасности как ценности и, как следствие, небудуманный риск в конечном счёте могут иметь фатальные последствия. С другой стороны, безопасность не как средство для достижения жизненных целей, а как абсолютная ценность ставит под вопрос содержание самой жизни человека. Безопасность ради безопасности или безопасность ради чего-то высшего? Очевидно, что безопасность ради самой себя, ради биологического выживания, значима в виде инстинкта самосохранения для всех живых существ на Земле. Однако только человек как богоподобное творение призван руководствоваться не только и не столько инстинктами, сколько принципиально иными вещами. В этом смысле напрашивается вывод, что для человека безопасность имеет ценность только в том случае, если она служит средством для достижения более важных жизненных целей. Если рассуждать в категориях христианского откровения о человеке, то его главной жизненной целью можно назвать исполнение своего призвания, т. е. актуализацию данной ему богоподобности и обретения заданного богоподобия.

В этом контексте любая ценность, которую пытаются сделать краеугольным камнем вместо Христа, превращается в опасность. Здесь, на наш взгляд, проявляется одна из проблем, связанных с парадоксальностью концепта безопасности. Если безопасность как ценность выходит на первый план, заслоняя собой главное содержание жизни человека, она лишает его возможности это содержание актуализировать. Ведь природа безопасности такова, что она не только с трудом поддаётся определению, но и принципиально недостижима в своём абсолютном пределе. Чем больше человек сосредоточен на обеспечении собственной безопасности, тем больше угроз начинает видеть, тем в большей опасности себя ощущает.

По сути, безопасность неразрывно связана с библейским представлением о двух путях – безопасным путём Жизни и опасным путём смерти («И зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный», Пс 138:24).

В Новом завете Христос не упраздняет Закон как праведный путь к сохранению от всякого зла, но открывает его в новом, совершенном качестве. В Евангелии Он учит народ тому, как не только уходить от опасностей, но обрести силу их побеждать. Однако победить это зло возможно не путями насилия, но новозаветными, евангельскими путями непротивления злу. Вместили эту антиномию оказывается очень непросто не только для людей того времени, но и для падшей человеческой природы в целом.

По всей видимости, ключом к пониманию евангельского принципа непротивления злу должно быть сострадание к ближнему («...кто ударит тебя в правую щёку, обрати к нему и другую», Мф 5:39–42). Иначе выход в открытый бой со злом будет прямым нарушением Божьей воли («Не искушай Господа Бога твоего», Мф 4:10).

При этом следование таким евангельским путём неизбежно предполагает серьёзный риск для человека. Во-первых, он рискует сам заразиться той скверной, от которой страдает его ближний. Во-вторых, ему грозит несправедливое поношение от тех, кто считает грешных людей недостойными и нечистыми (Самого Христа обвиняли в том, что «вот человек, любящий есть и пить вино, друг мытарей и грешников», Мф 11:19), или же невинно пострадать вплоть до смерти.

Падшее человеческое сознание, раздробленное вследствие грехопадения,

Его будешь безопасен»

Фрагменты из выпускной работы студентки СФИ Елены-Алины Патраковой

позволяет мыслить преимущественно такими противопоставлениями (свои – чужие, добрые – злые, ближний – враг, чистое – нечистое, безопасность – опасность). Христос открывает, что Отец Небесный превыше этих противопоставлений («солнце Своё Он возводит над злыми и добрыми и изливает дождь на праведных и неправедных», Мф 5:45). Соответственно, призыв быть совершенными, как совершен Отец Небесный (Мф 5:48), можно понимать как путь к преодолению такого двухмерного сознания. Евангельские антиномии, раскрываемые Христом в Нагорной проповеди, предлагают выход за пределы таких бинарных оппозиций.

Возвращаясь к упомянутому ранее противопоставлению «мы – они», одной из самых фундаментальных антитез для человеческого сознания во все времена предположительно можно назвать деление людей на «друзей» («своих») и «врагов» («чужих»): «Вы слышали, что было сказано: “Возлюби ближнего твоего и возненавидь врага твоего”» (Мф 5:43). Христос открывает принципиально иной путь, выводящий за все рамки падшего сознания: «А Я говорю вам: любите врагов ваших и молитесь за гонящих вас» (Мф 5:44).

Таким образом, Он доводит Закон до полноты через мучительную для падшего сознания антиномию. С Его пришествием единственный способ победить опасности падшего мира – это не прятаться от них, а также от страждущих и погибающих («погибших овец дома Израилева», Мф 15:24), но, отвергаясь себя и своей безопасности, быть готовым ради любви к Богу и ближнему пойти на предельный риск и даже смерть (схождение во ад как конечная опасность для человека). Если же пойти прежним путём самосохранения, тогда желанная безопасность обернётся конечной опасностью: «Ибо кто хочет душу свою спасти, тот погубит её; кто же погубит душу свою ради Меня, тот найдёт её» (Мф 16:25).

Так, крест как орудие казни и, соответственно, как символ насильственной смерти представляет собой предельную опасность для человека. Крест предполагает не просто смерть, но жестокую и позорную казнь. В Евангелии смерть Спасителя на кресте раскрывается как апофеоз одиночества, отверженности своим народом, богооставленности. На этом фоне тем отчётливее та подмена в истории христианства, когда знак креста Христова стал восприниматься как языческий амулет, защищающий от опасностей.

Парадоксальным образом в современных дискурсах (в первую очередь социологическом, политическом и религиозно-публицистическом) понятие «духовная безопасность» используется в прямо противоположном ключе, связываясь с существованием без риска.

При внешних различиях таких течений в исследовании безопасности, как «православно-патриотический» дискурс или воинствующая антитеррористическая логика безопасности в американском секьюритаризме, которую описывают П. Путчерт, К. Лемонс и И. Винтерс¹, можно проследить общую структуру, характерную, по всей видимости, для любой логики безопасности: есть некий объект безопасности, нуждающийся в охране от угрозы (безличной или же в лице неких злоумышленников), и есть субъект безопасности, который защищает объект от этой угрозы. При этом, если речь идёт не о безличной угрозе, а о некоторых лицах, представляющих опасность, то в этой схеме они рассматриваются как «враги». Образ врага, как правило, демонизируется. Это можно проследить как на примере псевдопатриотического дискурса, в котором «врагам церкви» могут приписываться резко негативные качества, так и на примере американского антитеррористического

дискурса, где образ «врага-террориста» обретает конкретные черты и описывается эмоционально насыщенными метафорами с отрицательными коннотациями. Сходные черты можно выделить в советском дискурсе с его характерными формулировками «враг народа», «враги Родины».

В этой связи выявляется серьёзное противоречие между содержанием «православно-патриотического» дискурса, декларативно выступающего от имени православной церкви, и подлинным содержанием церковной жизни. Это возвращает нас к тем трудноразрешимым вопросам, которые были поставлены выше, а именно: духовная безопасность ради себя самой или же духовная безопасность во имя чего-то большего? Если второе, то во имя чего или кого? На первый взгляд, может напрашиваться самоочевидный ответ – во имя Самого Бога. Однако этот ответ не снимает противоречия в отношении воинствующего фундаментализма в историческом христианстве (крестовые походы, инквизиция, расправы над еретиками и иноверцами) или в исламе.

Безопасность по своей сути апофатична: она осознаётся как таковая по контрасту с опасностью.

Согласно библейскому откровению, сотворенный Богом мир стал опасным для человека вследствие его грехопадения. Кроме того, для человека падшего общение со Своим Творцом лицом к лицу стало опасным и даже смертельным («Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых», Исх 33:20). Вместе с тем в Священном Писании Бог открывается как Избавитель от опасностей в мире, ставшем враждебным после грехопадения. Безопасность в библейском понимании связана с даром от Бога, состоянием покоя и защищённости под Его покровительством, проявлением его благословения и милости.

Первозданный мир по замыслу Творца не был враждебен человеку, но, напротив, был создан для его блага и вверен его попечению. Из этого можно заключить, что разделение мира на безопасное и опасное актуально именно для падшего мира, который после проникновения зла и смерти оказался раздробленным на многочисленные полюса и противопоставления. В этой работе такое расколотое состояние падшего мира условно называется *двухмерным существованием*.

В тварном мире, оторванном от Творца, метание в замкнутом двухмерном существовании между полюсами можно сравнить с движением по горизонтали, тогда как для достижения полноты необходимо движение по вертикали, к Творцу. Именно поэтому невозможно достичь абсолютной безопасности в пределах самозамкнутого существования.

В Евангелии через проповедь, земное служение и крестную смерть Христа открывается путь прорыва из этого двухмерного существования и возвращения всего творения и человека к Отцу. Христос упраздняет все противопоставления падшего мира и тем самым преодолевает опасности, связанные с этими разделениями. Через Него общение падшего человека с Отцом перестаёт быть смертельно опасным. Кроме того, через Христа человек обретает возможность примирения с тварным миром, который из опасного и враждебного превращается в послушный ему.

Так, через преодоление падшей логики двухмерного существования безопасность как самоценность перестаёт быть актуальной для христианина, так же как и многие другие противопоставления, среди которых одним из самых проблемных является деление на «своих» и «чужих». Следовательно, такое деление, проникающее в церковь, оказывается ещё более разрушительным, чем в других областях жизни, именно в силу того, что такое деление в корне противоречит

евангельскому духу и смыслу. Спаситель как раз открывает путь выхода из этих противопоставлений (например, между иудеями и язычниками, чистым и нечистым, грешниками и праведниками).

Христианство позволяет найти выход из тех противоречий, связанных с безопасностью в антропологическом измерении, которые кажутся неразрешимыми изнутри секулярного миропонимания. Однако этот выход лежит через евангельские антиномии – в конечном счёте через Самого Христа, поскольку искать ответы на вопрос о том, что есть человек в христианском откровении, невозможно без обращения к Богочеловеку.

Христианство не поощряет безрассудный риск и не отрицает безопасность как ценность, однако принципиально, что эта ценность не может быть абсолютной, но должна быть лишь средством для достижения чего-то большего. Вместе с тем рассуждения о том, что есть это большее, на достижение которого человек был бы готов положить всю свою жизнь, обостряют проблему до предела. В этом смысле жизнь, ориентированная на высшие ценности, с позиций мира сего выглядит как неоправданный риск и безумие. Крестная жертва Христа как высшее проявление Его божественной кенотической любви к Своему творению есть «для иудеев соблазн, а для язычников безумие» (1 Кор 1:23).

Через встречу со Христом и ответ Ему о готовности пребывать с Ним в общении человек спасается, т. е. прорывается из падшего двухмерного, расколотого существования в *пространство общения* с Богом и ближним («Иди с миром, вера твоя спасла тебя», Лк 7:50; 8:48). Тогда из его жизни уходит неразрешимое противопоставление между опасным и безопасным, своим и чужим, ближними и дальними, чистым и нечистым. В этом смысле все евангельские антиномии (например, Заповеди блаженства), кажущиеся неразрешимыми парадоксами для двухмерности падшего мира, совершенно естественны в этом пространстве встречи, ответа и общения.

Бдительности как навыку распознавать в другом злые намерения можно противопоставить трезвенный взгляд на человека. Для человека, чьё око светло в евангельском смысле (Мф 6:22), другой – при всей его инаковости – не чужой, но ближний (притча о милосердном самарянине, Лк 10:30-37). В этом свете можно понять и слова Христа из Нагорной проповеди о непротивлении злему (Мф 5:39): если увидеть в злом человеке ближнего, его агрессия рождает сострадание и стремление помочь ему освободиться от зла. Так, христианин призван к тому, чтобы для него не было «чужих». Единственное, что по-настоящему чуждо – это зло и грех. Понимание этого вырабатывает навык прозревать в другом человеке его богособразность, не закрывая при этом глаза на то чуждое, что этот образ может в нём затемнять или искажать. Всё это возвращает к мысли о том, что христианство есть вера в Бога и вера в человека².

Именно на этой вере в Бога и человека зиждется антропология общения. Без доверия и веры в Бога и в человека общение невозможно в принципе. Доверие раскрывается как готовность к риску открытости, вера – движение по этому опасному пути. Причём христианин перестаёт оценивать этот путь в категориях опасности и безопасности. Они теряют актуальность в реальности Богообщения, в кенотической открытости другому по примеру Спасителя (Ис 53:7).

Современные теории личностной безопасности антропоцентричны (по крайней мере, на декларативном уровне), но это антропоцентризм секулярного толка. Антропоцентризм без христоцентризма, без понимания того, что Христос есть Богочеловек, неизбежно ведёт к очеред-

Елена-Алина Патракова, автор дипломной работы «Богословие безопасности в XXI веке: антропологический аспект», впервые заинтересовалась этой темой семь лет назад, учась на филологическом факультете в университете Сибиу (Румыния)

ному историческому тупику: во имя безопасности личности человек оказывается ещё в большей опасности, чем когда-либо прежде в истории.

Картина мира, формируемая внутри секулярной парадигмы безопасности, по своей сути, архетипична, строясь на системе противопоставлений «свои – чужие».

Наиболее проблемными симптомами антропологического синдрома Homo Securitatis являются бдительность и подозрительность, уходящая своими корнями в неверие в человека и доводящая до полного отчуждения от других. Эти симптомы характерны и для фундаментализма, что даёт основания указать на тесную связь между секьюритаризмом (воинствующей логикой безопасности) и фундаментализмом.

Приходится с сожалением констатировать, что синдром Homo Securitatis можно встретить не только в обществе, подверженном процессам секуляризации и глобализации, но и в церковной ограде. Более того, симптомы этого синдрома в церкви принимают особенно болезненные формы в силу того, что подлинная экклесиология есть экклесиология общения, собирания и единения, а не разделения людей на «своих» и «чужих». Бдительность в отношении «врагов церкви», подозрительность ко всякого рода «угрозам», неверие в человека, неизбежно связанное с неверием в Бога и Церковь, – всё это нуждается в исцелении. В этом смысле путь остаётся единым и единственным для человечества на протяжении всей его истории – через Богочеловека Христа.

Именно в Нём откровение о том, что человеческая личность есть встреча, ответ (ответственность) и общение, обретает свою полноту. Так, антропология общения по своей сути неразрывно связана с христологией (общение божественной и человеческой природ во Христе), а также с тринитологией (общение Лиц Святой Троицы) и экклесиологией (Церковь Христова как общение, встреча и ответ человеческих личностей в Богочеловеке).

Таким образом, выходом из падшего двухмерного существования, в том числе из метания между опасным и безопасным, может быть только движение по вертикали ко Творцу: от разделения и противопоставления к собиранию и единению.

Эта вертикаль заложена в самой человеческой природе: *άνθρωπος* есть тот, кто обращён вверх. Он же есть Homo Adorans – человек поклоняющийся. В возвращении к этому и возможного подлинное спасение для современного человека и всего человечества. Возможно, впервые за всю свою историю человечество стало осознавать собственную уязвимость перед миром, страдающим от рук людей, и перед усугубляющимися разделениями, которые глобализация как естественное стремление к единству неспособна исцелить.

¹ Lemons K., Purtschert P., Winter Y. Securitariusism in den USA. Zur Gouvernementalität der Sicherheit. // Widerspruch. 2004. № 46. P. 99-108.

² Шпиллер В., прот. Проповедь в неделю 2-ую Велико-го поста, свт. Григория Паламы, 22 марта 1981 г. // Шпиллер В., прот. Проповеди. М., 1994; Шмеман А., прот. Вера в Бога, вера в человека // Собрание статей. 1947 – 1983. М.: Русский путь, 2009.

По следам наших публикаций

Образцом для священнослужителей всегда считался образ Христа – доброго пастыря. Мозаики мавзолея Галлы Пластидии. V в.

Наши постоянные читатели, конечно, помнят публикацию о Красноульске, где нескольких прихожан решили не причащать (а один раз не причастили даже их детей).

Для тех, кого глубоко опечалил и даже шокировал этот рассказ, у нас есть две новости: одна хорошая, вторая – грустная.

Хорошая новость в том, что беспричинно попавших «в опалу» прихожан вновь причащают. Мы далеки от мысли ставить это в заслугу публикациям в СМИ (в том числе в нашей газете); решение исходило от местного архиерея.

Печальная новость – в том, что ситуации, подобные красноульской, по-прежнему разрешаются не в каноническом поле, а в режиме «телефонного права»: по письму или звонку из Управления делами МП или по благословию епископа. Некоторые же из них так и тлеют то в одном, то в другом месте. Увы, некоторые священнослужители чувствуют себя скорее «священновластителями», хозяевами Чаши: «Захочу – причащу, захочу – не стану».

Мне самой в связи с этим памятно множество самых разных случаев. Некоторые из них касались отдельных людей: близкую мою знакомую священник отлучил на месяц от причастия за то, что она порою строптиво отвечала мужу и написала об этом в своей покаянной записке; думаю, батюшка не мог совладать со своей собственной половиной и выместил досаду на прихожанке – но ведь такие вещи должны быть невозможны! Некоторые же были связаны с нашей общей церковной жизнью. В одном из храмов, открытых и восстановленных силами нашего братства, новоназначенный настоятель (было это лет 15 назад) взялся причащать лишь каждого второго: «Тебя причащу, а вот тебя не буду» и временами произносить не обычную формулу, а кощунственные слова «причащается имярек в суд и во осуждение». Чтобы оправдать свою далёкую от канонов практику, он как-то произнёс проповедь: «Вся ваша проблема в том, что вы ходите на службу вместе. Этим вы всех раздражаете. Разойдитесь по разным храмам, и проблем не будет». Как пошутил потом один из братчиков, подходящим чтением для этой проповеди могли бы стать слова «Да будут все отдельно»... Лишь обращение прихожан в епархиальное управление немного урезонило кошунника.

Не так давно на Архиерейском совещании был принят документ «Об участии верных в Евхаристии». Там есть очень важные слова:

«Требования подготовки ко святому причащению определяются для каждого верующего церковными постановлениями и нормами, которые применяются духовником с учётом регулярности приобщения Святым Таин, духовного, нравственного и телесного состояния, внешних обстоятельств жизни, например, таких как занятость, обременённость попечениями о близких».

Духовным отцом (духовником) человека является священнослужитель, у которого он постоянно исповедуется,

«Ядовитых ягодок» остаётся всё меньше. Но время от времени появляются новые...

который знаком с обстоятельствами его жизни и духовным состоянием. При этом верующие могут исповедоваться у иных священников в случае невозможности исповедоваться у своего духовника. Если нет духовника, то верующему следует обращаться с вопросами, касающимися причастия, к священникам того храма, где он желает причаститься».

И означают эти слова, что решение о том, причащать человека или нет, далеко не всегда принимает тот священник, который служит в местном храме. В полном соответствии с древней русской практикой верующие могут выбрать себе духовного руководителя, опираясь не на географическую близость...

Это тем более важно, что к тем случаям, о которых я вспомнила и которые так или иначе уже разрешились, можно добавить ещё один, современный. Это всего лишь одна точка на нашей карте, один нарыв – но «страдает ли один член, страдают с ним все члены» (1 Кор 12:26).

В далёком северном городе Вельске группу прихожан по решению настоятеля (который, как мы уже поняли, вовсе не главный в принятии решения о причащении или непречащении) не только не причащают. Над ними ещё и измываются.

Вот отрывок из их письма: «Нам громко во время службы говорят, чтоб мы уходили, одну сестру стукнули палкой по спине за то, что она не встала на колени на литургии верных. А священник говорит в слове, что мы бесноватые. Люди дезориентированы, кидаются, кричат на нас...» Даже если бы преследуемые прихожане были в чём-то виновны, такое немисливо в православном храме (да и вообще в человеческом общежитии)! И тем не менее оно происходит – и происходит с людьми (к слову, активно участвовавшими в жизни прихода с первых дней его восстановления и до прихода нового настоятеля не подвергавшимся никаким нареканиям) лишь потому, что они входят в Преображенское братство (которое, напомним, является одним из членов Совета православных общественных объединений при Синодальном отделе по взаимоотношениям церкви и общества и члены которого без каких бы то ни было проблем причащаются во всех остальных храмах Русской православной церкви). Но вельскому настоятелю протоиерею Андрею Ермилову никакие законы не писаны.

Конечно, рано или поздно и эта ситуация разрешится – но, как мы уже писали, разве что «по указанию сверху». К сожалению, и у прихожан, и у настоятелей (во всяком случае, у подавляющего большинства) после чуть не вековой «зачистки» нормальной церковной жизни не осталось (и за 25 лет так и не народилось) канонического сознания. И так как в результате люди не защищены от своеволия друг друга, то лишь там, где о церкви заботится добрый пастырь (будь то архиерей или священнослужитель), её жизнь строится – но там, куда приходит «наёмник», она оказывается абсолютно беззащитной...

Иван Петров

Эти люди думали, что служат церкви... Пыточная камера инквизиторов. Средневековая гравюра

Пройдя до половины

Вот уже полгода «Кифа» задумывается о 25-летию Преображенского братства и вспоминает самые разные события, происходившие за эти годы, последовательно продвигаясь по линии времени. За половину юбилейного года мы не спеша дошли примерно до середины двадцатипятилетнего срока, которая (конечно, случайно!) совпала с рождением нашей газеты.

Так что в каком-то смысле мы и тогда, и сейчас оказались в центре нашей общей истории – правда, в центре сугубо хронологическом. Но почему бы этому не стать предлогом к тому, чтобы подумать – а что же на самом деле было в центре нашей 25-летней истории всё это время? Правда, чаще всего у нас не было времени об этом задуматься: усилия по строительству общей жизни по Евангелию, по сознательному вхождению в Церковь очень быстро столкнулись с таким противодействием среды, что наша жизнь в чём-то стала похожа на эпический боевик.

«И съехались посреди поля брани Эомер с Арагорном; они соскочили с коней, оперлись на мечи и радостно взглянули друг на друга».

– Вот мы и встретились, прорубившись сквозь полчища Мордора, – сказал Арагорн. – Помнишь, я предсказывал тебе это в Горнбурге?

– Да, предсказывал, – отозвался Эомер, – однако надежда обманчива, а я не ведал, что ты прозреваешь грядущее. Но вдвойне благословенна нежданная помощь, и никогда ещё не было встречи отрядней. – И они крепко пожали друг другу руки.

– В самую пору встретились мы, – прибавил Эомер. – Ещё бы немного, и ты запоздал. Нас постигли горестные утраты».

– Что ж, сперва расплатимся, поговорим потом! – сказал Арагорн, и они поехали в битву бок о бок».

Такой жанр, несомненно, не предполагает неспешного размышления ни над тем, что происходит вокруг, ни над тем, что происходит с тобой самим. И хотя время от времени братство останавливалось и размышляло о своем призвании, об основных принципах своей жизни, но размышления эти не имели ничего общего с историософией, да и времени для этого прошло слишком мало.

Конечно, никакая газетная публикация не восполнит этот пробел. Но всё-таки попробовать подумать стоит.

Центр истории далеко не всегда оказывался в поле зрения историков. Самое главное за все её тысячелетия событие и вовсе прошло мимо них и открылось бедным рыбакам – «младенцам». Нужно сказать, что с обывательской точки зрения это не принесло им ничего хорошего – да и вообще логика мира сего остерегает: нет ничего хуже, чем «жить в эпоху перемен»; как писал две тысячи лет спустя поэт Николай Глязков:

Век двадцатый – век необычайный.
Чем столетие интересней для историка,
Тем для современника печальней!

Но всё изменяется, если история соприкасается с вечностью. Мы не всегда знаем, в какой момент это происходит; нет таблички, на которой было бы написано: «А теперь начинаются события, которые можно считать не только историческими, но и метаисторическими». Более того, с теми, кто оказался их достойным участником, может произойти то, что описал Льюис, говоря о праведниках: «Они думали, что идут пустыней, юдолью скорби, и вдруг видят, что это был сад, где бьёт животворящий родник».

Но всё-таки мы не можем не чувствовать дыхания вечности в те моменты нашей личной жизни, которые поворачивают ход нашей личной маленькой истории – в момент обретения веры, тогда, когда мы оказываемся у стен Церкви и переступаем порог.

И братство оказалось тем местом, где почти все мы встретили этот самый глав-

ный момент своей жизни. Никто из нас не может забыть то, что происходило при его воцерковлении, и даже когда суета, усталость или уныние затемняют память, в глубине сердца всё равно это остаётся как опора, как то подлинное, что не даст обрушиться. Как краеугольный камень.

И вот прошло 25 лет, и нужно оглянуться и сказать, что было в центре этого маленького отрезка истории. Но как сказать? Кто мы такие, чтобы оценивать свою жизнь в таких масштабных категориях? Не будет ли это пустым бахвальством, высокомерным «раздуванием щёк»?

Вот апостолы – те и правда оказались в самом центре истории. Или святые. Новомученики...

Но мы-то – не они. Мы маленькие, и родились мы в грустное, бездарное время, время обманутых надежд, в те 25 лет, когда было бесславно растрачено наследие исповедников и просто искателей правды. И какой в этом смысл, и где центр? Разве мы не на обочине?

А вот в этом месте нужно, несомненно, помянуть и угол, и точку зрения. То, что человек оказался в центре истории, не говорит ничего о самом человеке, и чаще всего он сам действительно оказывается маленьким. Так что если мы, размышляя о том, чему стали свидетелями и участниками, слишком много думаем о своих размерах, это говорит лишь о нашем эгоцентризме, о том, что во всём мы видим прежде всего не то, что происходит, а себя, любимых.

Что же в этом случае важно? Я думаю, важны лишь две вещи. Первая – понять, где правда, а где неправда в том месте и в том времени, в котором ты оказался. Как я уже сказала, к этой правде и подлинности братской жизни каждый из нас прикоснулся – и это важно помнить, что бы ни случилось, в этом центр нашей жизни.

А вторая – нужно не отступить там, где от тебя что-то потребуется.

Не могу и здесь не вспомнить фрагмент апологетического толкиеновского эпоса. Один из главных героев «Властелина колец» – простой садовник Сэм Скрамби, и говорит он нарочито просто; образ его был всегда связан для Толкина с воспоминанием о тех простых солдатах Первой мировой, с которыми он вместе воевал, тех, кто вынес на своих плечах главную тяжесть войны. Оказавшись на подступах к цитадели врага, которую позже без его верности так и не удалось бы сокрушить, Сэм размышляет (и если честно, мне часто приходилось вспоминать эти слова в периоды гонений на братство):

«Знали бы, куда идём, нипочём бы здесь не оказались. Но это, наверно, всегда так бывает. К примеру, те же подвиги в старых песнях и сказках: я раньше-то говорил – приключения. Я думал, разные там герои ходят ищут их на свою шею: ну как же, а то жить скучно, развлечься-то охота, извините, конечно, за выражение».

Но не про то, оказывается, сказки-то, ежели взять из них самые стоящие. С виду оно так, будто сказочные люди взяли, да и попали в сказку, вот как вы сказали: сюда и шли. А они небось вроде нас: могли бы и не пойти или пойти на попятный двор».

Которые не пошли – про тех мы не знаем, что с ними дальше было, потому что сказки-то не про них. Сказки про тех, кто пошли – и пришли вовсе не туда, куда им хотелось, а если всё хорошо и кончилось, то это как посмотреть».

Как-то грустновато, конечно, получилось. Неюбилейно. Но это только если смотреть с секулярной точки зрения. А мы ведь знаем, что путь идёт дальше. И несмотря на то, что всё человеческое имеет начало и конец, в измерении богочеловеческом этот путь становится вечным.

Александра Колымагина

«По мере удаления от Москвы интерес к нам рос, а страх перед общением уходил...» Из дневника и путевых записей Т.К. Покровской (Наумченко). Июль 1999 года

Уехали из Москвы в Нижний Новгород мы 30 июня поездом с Ярославского вокзала. И было нас 170 человек.

Нижний Новгород

2 июля ранним, очень солнечным утром мы все на трёх автобусах отправились в Дивеевский женский монастырь.

Нас встречает какой-то семинарист и ведёт к Преображенской церкви мимо огороδικов, цветничков, занимающих каждый свободный кусочек территории монастыря. Овощи, маленькие карликовые яблоньки, цветы – всё вперемешку, но всё ухожено. Мне весело и интересно на это смотреть, ведь я с ранней весны до поздней осени копаюсь на даче.

На территории две церкви и колокольня, очень похожая на Ивана Великого. В Преображенском храме идут службы, в Троицком – мощи преп. Серафима.

Литургия. Вместо обычных церковных бабушек молодые красавицы-послушницы. Все в чёрном. Видна лишь часть лица от бровей до подбородка. Душно. Народу – не протолкнёшься. Долго ждём причастия. Выходит священник с проповедью. Причащаемся.

В Троицком прикладываемся к мощам. Потом собираемся все вместе и идём вокруг монастыря по знаменитой канавке. Впереди – батюшка в чёрном подряснике. Говорят, если, пока идёшь вокруг, успеешь 150 раз прочитать «Богородица, Дева, радуйся...» – исцелишься. Читаю, читаю, потом просто пою со всеми.

Садимся по автобусам и едем к святому источнику. Это маленькое (60–70 кв. м) озерко, окружённое деревянными мостками и лесенками. Тёмная вода в озерке наполняется из ключа, который находится где-то на горке, под которой этот водоём. На одном берегу часовенка, а на противоположном, прямо под горкой, – маленький домик с двумя комнатками над самой водой. В каждой комнатке в полу огромные дыры. В них и опускаемся в воду.

3 июля после литургии в Благовещенском монастыре идём по Рождественской улице на поиски храма Ильи Пророка. Впереди – о. Георгий, мы все за ним. А он, в чёрном подряснике, с развевающейся бородой шагает так (опять жара более 30-ти градусов), как будто он абсолютно здоров и полон сил (а у него – сильный диабет, он не может без инсулина). Маму о. Георгия, Евгению Кузьминичну, братья по очереди везут на инвалидной коляске. Она, как и в северном паломничестве, спокойна и рада.

Храм Ильи Пророка однокупольный, какой-то заброшенный, хотя и действующий. Кругом какие-то свалки, всё не ухожено. Почему мы его так упорно искали? В 1920-е годы здесь служил о. Феофан (Адаменко). И по благословению митрополита Сергия он проводил службы на русском языке. И кажется, с открытыми царскими вратами, с чтением Евангелия лицом к мирянам, с чтением вслух и громко тайных молитв. То есть делал всё то, что о. Георгий считает необходимым.

А я как считаю? Мне очень нравится церковнославянский, но когда я прихожу в храм, где священник спиной к народу читает Евангелие и совсем ничего не понятно и не слышно... И почему часть молитв для меня в алтаре сокрыты? Разве мы не приходим в храм, чтобы молиться вместе?

Причащаемся мы каждый день (кроме дней переездов), в разных храмах. Иногда нас причащали с общей исповедью, иногда – без исповеди. И вот 4 июля в Александро-Невском Соборе от нас потребовали частную исповедь. Чтобы исповедовать всех нас, из алтаря вышли 3 или 4 священника, причём один из них после исповеди каждого просил у него прощения. Потом мы узнали, что он где-то выступил против нашего батюшки.

Новосибирск

Ранним утром 10 июля в Новосибирске на платформе нас встретил Максим, молодой, энергичный референт местного архиерея, владыки Сергия (Соколова). Давно, с юности, знакомый с о. Георгием, владыка Сергий принял нас по-царски. Лучшая центральная гостиница с номерами люкс. Владелица гостиницы православная, но, как говорят, «крутая», предоставила нам её бесплатно. С утра, после поезда и ванной – встреча и разговор с владыкой в холле гостиницы. Мило, тепло, сердечно. Насчёт агап он всё же выразил некоторое непонимание, но всё по-доброму.

Потом по плану мы, как стадо овец, ходили за о. Георгием и Максимом. Наконец едем в кафедральный собор на всенощную. И опять внимание владыки: нас всех отправляют наверх, на хоры, где мы можем хотя бы посидеть. Спустились лишь на помазание. Отец Георгий весь конец вечерни и всю утреню был в алтаре со всеми священниками.

Потом мы все во главе с о. Георгием были приглашены в трапезную на продолжение разговора с владыкой. И опять царский по моим понятиям ужин. Три длинных стола. Милые матушки подают и убирают. И во главе всего этого пиршества – стол с владыкой и священни-

ками: настоятелем храма, о. Павлом, о. Александром и нашим о. Георгием.

Что рассказал владыка Сергей на этих двух беседах? Новосибирску всего 100 лет. По численности населения (2 млн чел.) наряду с Нижним Новгородом – третий город в России. Храмы строятся. Работы много. Миссионерский пароход ходит по Оби.

Устала. Приму душ и спать. Завтра с утра литургия в Вознесенском кафедральном Соборе. Владыка Сергей сказал, что паломничество – это подвиг.

Сегодня Пётр и Павел. Кончается Петровский пост. Нас с Максимом 30 человек. Утро. Около 8-ми. Едем в автобусе в академгородок и в детский православный лагерь.

Вчера, 11 июля, утром литургия, вечером всенощная в Вознесенском Соборе. И опять великолепная трапеза, беседы уже с о. Александром, ректором православного училища при Соборе. Вечером по нашей просьбе о. Александр пришёл к нам в гостиницу для продолжения беседы. Разговор был откровенный и доброжелательный. Отец Александр пришёл с женой и молодым прихожанином и в начале беседы все трое были слегка напряжены – ведь о. Георгий под прещением после известной провокации в (теперь бывшем) нашем храме Успения в Печатниках... В конце общей беседы о русификации богослужений, о тайных молитвах и о других «опасных» вопросах нашей церкви напряжение гостей уменьшилось.

Вчера, в праздник Петра и Павла, мы на целый день уезжали из Новосибирска. Сначала на автобусе, данным нам от епархии (опять вл. Сергей), поехали в детский православный лагерь. Сосны. Домики. Здесь поохладнее.

Литургия под открытым небом. Два священника – о. Борис, о. Андрей. Всю литургию, а это около трёх часов, лагерные дети стояли как вкопанные. Какую-то маленькую девочку не успели причастить, вернее, она не успела и горько плакала. Её причастили потом и успокаивали.

Потом обед в столовой с детьми и опять общая беседа под соснами. Отец Борис молчал, беседу вела Наталья Георгиевна, директор православной гимназии и лагеря. Они рассказывали о своей жизни, мы о своей. Пошёл мелкий дождичек, и мы опять перебрались в столовую с огромными открытыми окнами.

Потом через лес, а лес там кругом, мы наконец-то (все дни изнывали от жары) отправились купаться в заливе Обского водохранилища. Вода тёплая, как парное молоко, другой берег еле виден. Вдали мост. Хорошо!

В Новосибирск, в гостиницу вернулись в 8 часов вечера (а уехали в 7 утра). И опять о. Георгий назначил сбор в холле гостиницы в половине одиннадцатого. И опять был откровенный разговор, теперь уже с Максимом, о русификации богослужения и о других важных проблемах церкви. И Максим с обиженным видом среди прочего сказал: «Вы там, в Москве, накрутите всякого, а мы тут отдуваемся». Я поняла так – идёт борьба, и им здесь, почти за 3 тыс. км, тоже приходится быть осторожными. Да, это так! Это было видно в общении и с о. Александром, и с о. Борисом, и с другими.

И опять мы легли в 2 часа ночи. И опять, встав в 5 часов утра, я со всеми тряусь в автобусе. Едем в Томск.

Томск

Томские священники и прихожане общались с нами без всякого напряжения. Мать одного из священников мне рассказала:

– Когда сын сказал: «Я не боюсь принять общину о. Георгия Кочеткова, не боюсь встретиться с о. Георгием. Пусть хоть сошлёт!» – я порадовалась. Порадовалась тому, что мой сын – настоящий мужчина.

Всё это было вчера, 13-го, а сегодня, 14 июля, были на литургии в кафедральном соборе Петра и Павла. Потом, после агапы в столовой, ходили по городу. Опять жара.

Зашли в художественный музей – только народные промыслы, потом католический костёл, потом монастырь, где хранятся мощи Фёдора Кузьмича. По преданию, это был император Александр I, который, имитировав свою смерть, скрылся от своих венценосных родственников и скитался под этим именем, замаливая свой грех перед отцом.

И наконец, настоящая открытая встреча. Вот на ней я сейчас и сижу. Вижу томскую интеллигенцию. Они задают вопросы, такие умные, такие заинтересованные. Славно! А я просто засыпаю.

Утро. Идём на литургию в духовное училище. Завтра возвращаемся. Автобусом до Новосибирска, оттуда поездом.

Вечер. Литургия была очень благодатная. Отец Георгий во время обычного вечернего обсуждения сказал:

Беседа паломников с епископом Сергием (Соколовым)

«Впервые на литургии я чувствовал себя как дома».

После литургии один из преподавателей училища с очень хорошо поставленной речью (что сейчас редкость) рассказывал нам об училище и о церкви Александра Невского при нём, в которой мы причащались.

Пообедали в ТГУ (университет). Все разбежались кто куда. Екатеринбургцы пошли в ботанический сад. Я же сижу на скамейке перед входом в ТГУ (год основания – 1878). Сил куда-нибудь идти у меня нет. Лишь сидеть и смотреть, как бегают и суетятся абитуриенты и их родители.

9.48 по новосибирскому времени. Сидим на Московском вокзале.

Автобус Томск – Новосибирск отходил в 7.10 по томскому времени, в 3.10 по московскому. И перед его отправкой была поставлена толстая, увесистая точка в конце нашего восточного паломничества.

Уже перед самым отъездом к о. Георгию подошёл под благословение седобородый старик. После благословения он отрекомендовался: «Вильгельм Фаст. Прямо с самолёта. Успел».

Это, как я поняла, центр Томской общины, её глава. Вильгельм Генрихович ездил в Москву отвезти деньги в фонд Солженицына. И вот прилетел и успел увидеть о. Георгия.

Они отошли вдвоём и какое-то время успели поговорить на скамейке. А потом мы поехали, и нам махали на прощание Вильгельм Генрихович, Игорь и Лена (молодые члены общины), и мы им махали из окна автобуса.

Осталось меньше суток, и я опять дома. Проехали мой родной Урал. Пермь (Молотов) позади. Вчера была вечерня в купированном вагоне. А сегодня в 10 часов утра сошли наши екатеринбургцы. Нас осталось 19.

До чего красив Урал и до чего бедны домики и огородики бедного народа нашего! Ни одного дома «новых русских» ни на Урале, ни в сибирских просторах, как и на Севере прошлым летом.

Подъезжаем к Ярославлю. 10 из нас в одном вагоне, 9 в другом.

Что сказать? Интерес к нам и пропадание осторожности и страха общения росли по мере удаления от Москвы. И если в Нижнем с нами почти никто не общался, то 14 июля томские телевизионщики бежали по городу в поисках о. Георгия, чтобы показать его томичам по телевизору. И показали. «В наш город приехал известный московский священник о. Георгий Кочетков со своими прихожанами». Он на экране, и с ним интервью.

А вчера и позавчера в купе о. Георгия шла вечерня мирянским чином. В купе на всех четырёх полках набивалось по 12–13 человек, остальные в коридоре. Обе вечерни с паремиями и проповедями. Вот и кончается наше восточное паломничество.

Вильгельм Генрихович Фаст и священник Георгий Кочетков

«Истинная молитва состоит в том, что имеет смелость сказать: "мы ум Христов имеем"»

Начало на с. 1

Выходит в свет сборник молитв из наследия существовавшего в годы советских гонений братства епископа Макария (Опоцкого)

Хотелось бы опубликовать намного больше. У владыки есть удивительная беседа о качестве молитвы, беседы на каждое прошение молитвы «Отче наш», которые позволяют серьёзно задуматься о том, о чём же мы всё-таки просим. И много других замечательных проповедей, бесед и писем к духовным детям. Надеемся, что это всё ещё найдёт своего читателя в будущем. А начать мы решили с публикации избранных молитв и приурочить это к юбилею Преображенского братства. Это станет хорошим подарком тем, кто ищет живых, но в то же время глубоких и ответственных отношений с Богом, а также с братьями и сёстрами.

Из вступительного слова священника Георгия Кочеткова к сборнику:

Слава Богу, что по крупицам, понемногу, но накапливаются подлинные материалы, относящиеся к наследию новомучеников и исповедников церкви Русской. Эта работа ещё далека от завершения, многое требуется ввести в оборот, и всё это нужно усвоить церковно. Духовный, молитвенный опыт новомучеников имеет здесь особое значение, тем более что до нас дошло сравнительно немного источников. Есть какие-то воспоминания об этих святых людях, об их жизни, но воспоминания эти иногда грешат фрагментарностью, субъективностью, а подчас и неточностями. Вдобавок слишком большой акцент в них порой делается на вопросах церковной политики, отношений церкви и государства, юрисдикционных проблемах и т. п., и лишь немногое касается собственно духовного опыта.

Очень мало сохранилось подлинных молитв, которые принадлежат новомученикам и исповедникам, действительно святым людям. А опыт этот уникальный, он открывает новую страницу в церковном предании, относящемся к молитвенному правилу, его внутренним акцентам. В этом опыте что-то традиционно, а что-то совершенно ново. Это касается не только внешней формы или богослужебного и молитвенного языка. К слову, этот язык как правило довольно простой и очень доступный. Он может быть славянизированным, или русифицированным, или даже просто русским. Ведь в те годы, как говорится, было «не до жиру, быть бы живу», и всех волновало не столько хранение каких-то внешних форм, сколько явление подлинной силы христианской жизни (и, следовательно, молитвы).

Поэтому совершенно уникальна всякая возможность публикации подлинных вещей, касающихся молитвенного опыта новомучеников и исповедников. Особенно важно это в контексте происходящего сейчас возрождения общинной и братской жизни. Ведь владыка Макарий принадлежал к духовной традиции

братства Николая Николаевича Неплюева – основанного им Крестовоздвиженского трудового братства, возникшего ещё в конце XIX века. Сам Николай Николаевич уже в конце XIX века издал целый сборник молитв своего братства и даже пытался утвердить его через Святейший Синод для общерусского употребления. Тогда, конечно, это было трудно сделать, ибо всё это казалось очень непривычным, тем более что эти молитвы были написаны на русском языке. И всё же это были молитвы, которые использовались в реальной жизни, в практике братства (отчасти в храме, отчасти на братских, взрослых, или детских, школьных собраниях).

Традиция братств и общин владыки Макария (Опоцкого) – это опыт уже советского времени, опыт особый, непростой, уникальный, но очень важный для церкви, живущей после завершения так называемого константиновского периода церковной истории. Мы теперь пребываем не под видимым покровом как бы христианского государства, а в трудных условиях постконстантиновской эпохи, когда церковь должна проявлять свою самостоятельность, должна снова опираться не на внешнюю силу, а на внутреннюю силу духа. И молитва здесь имеет, конечно, первостепенное значение.

Кого-то, особенно на первый взгляд, может смутить некоторая необычность и даже радикальность публикуемых молитв. Уверен, что не надо слишком беспокоиться по этому поводу. У всех нас есть какие-то привычки, а эти молитвы действительно немного непривычные, у них особая стилистика. Да, кого-то может смущать, что речь в них идёт не о помощи в житейских делах и тому подобных вещах. К сожалению, люди сейчас слишком привыкли к общехрамовым, ни к чему не обязывающим ектеням, молитвам – благостным, простым, но действительно немного потребительским. А настоящие, глубокие основные молитвы церкви по-прежнему остаются сокрытыми: и Анафора на Литургии, и молитвы Вечерни и Утрени (как и других богослужений). Они читаются священниками, как правило, про себя, и поэтому, конечно, люди к ним не привыкли. (Вдобавок эти молитвы очень связаны с какими-то древними текстами: это может быть парафраз библейских текстов, особенно псалмов, и большинство прихожан это просто не считают.) Конечно, молитвы XX века куда ближе к жизни. И это может людей пугать. Но всё это как раз и есть показатель того, что наследие новомучеников не усвоено.

Иногда, особенно в последние годы, можно услышать мнение, что, дескать, особая напряжённость жизни новомучеников и исповедников была вызвана внешними условиями – жестокими гонениями и т. п.,

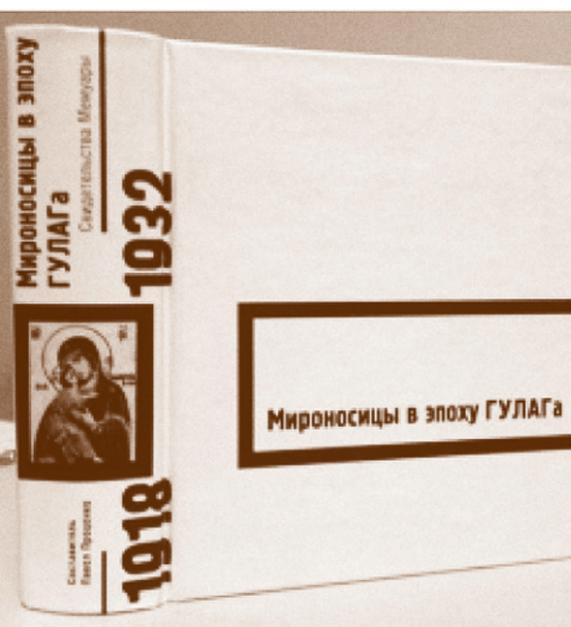

а к нашему времени это уже не относится. Это несерьёзное, более того, нецерковное рассуждение. Всегда были и есть люди, которые хотят жизни благостной, ненапряжённой; таких людей много в нашей церкви, но на них ориентироваться нельзя в принципе, потому что церковная жизнь – это всегда жизнь в напряжении духа. Эту норму надо вводить в действие, надо прививать её людям и не смущаться от того, что она ещё не воспринята, что она ещё для кого-то непривычна.

В заключение хочу пожелать всем читателям этого замечательного сборника только одно: обновлять свой духовный опыт, его совершенствовать, идти вперёд, следовать за Христом, отвергаться себя, брать свой крест и ничего не бояться, сохраняя при этом любовь и уважение и к церковной традиции, и к тому уникальному опыту святых наших новомучеников и исповедников, который должен быть ведущим для нас на многие годы вперёд.

Благодарим членов Покровского малого православного братства за помощь в подготовке материала. В заглавие вынесена цитата из опубликованного на обложке издания отрывка из письма владыки Макария

Прикосновение к первоисточнику

Мироносицы в эпоху ГУЛАГа: сборник / Сост. и комментарий П.Г. Проценко. Изд. 2-е, испр. и доп. – Н. Новгород: Христианская библиотека, 2015.

Составленный историком Павлом Проценко сборник «Мироносицы в эпоху ГУЛАГа» впервые вышел в 2005 году. И вот, спустя 10 лет, увидело свет второе издание, значительно дополненное и исправленное. Здесь собраны рассказы о русских женщинах – крестьянках, юрдивых, институтках, монахинях, старицах – оказавшихся на пути красного колеса. Составитель не только тщательно отобрал написанные во время этой истории, проведя соответствующую текстологическую работу, но и тщательно прокомментировал каждый из приведённых рассказов. Читая сборник, вы соприкасаетесь с первоисточником, с чем-то подлинным, чего осталось так мало в современной жизни. Поэтому к этой книжке можно обращаться снова и снова: это, да простит меня читатель за банальную метафору, как струя свежего воздуха в душной комнате.

«Женский вопрос» в интерпретации Павла Проценко решается в контексте стояния за Правду. Открывает сборник рассказ 1920-х годов Валентины Долгановой о юрдивой Дуне Шейкиной и её трёх послушницах, убитых красноармейцами в 1919 году в селе Пузо Нижегородской губернии. Судьба этих «общинниц», добровольно взявших на себя крест подвижничества и миссионерства, произвела на жителей округа сильное впечатление. Даже в самые глухие советские годы к их

общей могиле шли верующие, а жители села, хотя и не без опаски, рассказывали о невинно казнённых.

Следом идут записки Ольги Второвой-Яфе о Соловецком лагере. Арестованная в Питере по делу религиозно-философского кружка «Воскресение», она три года провела на «крайсветном» острове, превращенном новой властью в полигон для перекройки природы человека. Автор достаточно подробно пишет о встретившихся на её пути людях – о тех, кого лагерная жизнь сломала, и о тех, кто благодаря вере выдержал натиск адской машины. В воспоминаниях немало замечательно выписанных, «говорящих» картинок. Чего стоит, например, «экуменический» рассказ о том, как четырнадцать слабосильных мужчин в рясах, надрываясь, втаскивали в гору большую, нагруженную песком телегу. Это были православные и католические епископы. «В женской кустарке все побросали работу и столпились у окон, монашки плакали и причитали: "Господи, Господи! И это – в Великий четверг!" Я тоже смотрела – и тоже плакала. Мне казалось, что страницы Четых-Миней ожили перед нашими глазами».

В воспоминаниях немало удивительно светлых зарисовок, позволяющих взглянуть на происходящее как бы со стороны. Вот только один штрих: «А сейчас – ни одного купола, ни одного

креста, и однотонный серый колорит на всём кремлёвском массиве, напоминающем заброшенные руины средневековой крепости. Но в этой суровой мрачности есть какая-то новая величавая красота, быть может даже более возвышенная и одухотворённая, повествующая о долгом и славном прошлом и мученическом конце».

Сам архипелаг иногда видится автору как иконописный образ, как, перефразируя о. Павла Флоренского, «часть земной действительности, своим строением возводящая дух к созерцанию таинства».

Завершают сборник мемуары Валентины Яснопольской, прихожанки катакомбной Церкви. Свой духовный рост она начала в молодёжной общине замечательного киевского священника Анатолия Жураковского, и ни превратности судьбы, ни долгий опыт одиночной камеры, ни лагеря не изменили сделанного ею однажды выбора.

Читая сборник, мы невольно входим в пространство переживаний тех лет – за Церковь, за близких людей. И в то же время этот страх претворён любовью – крестной и воскресной.

Чёрно-белые фотографии, представленные обществом «Мемориал», и графика прекрасно дополняют тексты, составляют с ним одно целое.

Борис Колымагин

О тени уныния и радостных батюшках

О том, как рождались интервью, вошедшие в юбилейный сборник, приуроченный к 25-летию Преображенского братства, вспоминает Сергей Смирнов

С конца 1980-х годов священник Георгий Кочетков и другие члены Преображенского братства проводят миссионерские Открытые встречи – и больше 25 лет люди приходят, чтобы получить ответы на свои вопросы о вере и Церкви. На фотографии – Открытая встреча, проходившая в феврале 2013 года.

Крестился я в конце 1980-х. Мне было чуть больше тридцати, и я считал себя давно сложившимся человеком, хотя лишь недавно узнал о существовании Бога. Крестился, в общем, из чистой «вежливости» по отношению к Нему, без веры и без какого-либо намерения жить дальше в

церкви. Однако человек предполагает, а Бог располагает. Время после крещения оказалось для меня внутренне чрезвычайно болезненным, но и с ясно обозначенным выходом: если хочешь жить (а я понял, что хочу), надо входить в церковную жизнь. Этому противились все мои привычки, весь жизненный опыт, а главное – меня угнетало то всеобщее уныние, которое бросалось в глаза при входе в любой православный храм. Как человек, подверженный унынию в крайней степени, я инстинктивно отталкивался от того, что казалось мне пучиной, способной окончательно меня поглотить. Однако, зная уже, что такое состояние не от Бога, я никак не встречал человека, в котором не было бы этого мертвящего духа. Точнее, видел в храмах – издали – пару радостных батюшек, но как-то не решился к ним подойти.

Только через год-полтора я случайно попал на встречу (как потом оказалось, огласительную), проходившую в коммунальной квартире около Чистых прудов. Там я впервые увидел о. Георгия Кочеткова (тогда ещё дьякона) и буквально с первого взгляда понял: это мой шанс. Чего в нём не было, так это даже тени уныния. Не заметил я его и за последующую четверть века, хотя жизненные и церковные обстоятельства, казалось бы, нередко давали достаточно поводов...

А тогда я стал посещать еженедельные встречи и очень скоро понял, что в адрес о. Георгия не может не быть нареканий со стороны консервативно настроенных членов РПЦ. Скажем, собрания по квартирам – разве это не подозрительно? Или молитва своими словами по-русски, а не по молитвослову на церковнославянском? А та уверенность, с которой он отвечал на некоторые вопросы? Например, его спросили, что делать, если старец из Лавры называет жизнь в невенчанном браке с неверующим мужем прелюбодеянием и не допускает на этом основании к причастию, а он ответил: «Если старец так говорит, значит, он – лжестарец». Можно ли легко принять подобную категоричность? Мне-то его внутренняя свобода крайне импонировала, но как к ней могут относиться люди, считающие, что свобода несовместима со смирением и послушанием – важнейшими христианскими добродетелями?

Короче, некий «шепоток», который уже тогда сопровождал о. Георгия, не вызывал у меня особого удивления. Однако конференция «Единство церкви», проходившая в 1994 г., меня поразила. К тому времени я был в церкви чуть более семи лет, но никак не предполагал, что здесь возможны столь же беспардонные «проработки», как в советской жизни (простительная наивность для такого неопита, каким был я). Голословные обвинения, прямая клевета, полная неспособность аргументировать свою позицию и нежелание выслушивать возражения – проявили себя на этой конференции во всей своей неприглядности. На общем фоне выгодно выделялся доклад о. Аркадия Шатова (ныне владыки Пантелеимона), который построил своё выступление вокруг достаточно детального критического разбора одной из статей о. Георгия. Поскольку я сам той статьи не читал, а возражения о. Аркадия звучали для меня если не совсем убедительно, то, во всяком случае, правдоподобно, я решил разобраться в этом самостоятельно.

Инклинги

Продолжая размышлять о дружеском круге, мы отправляемся в Англию

...Льюис был очень впечатлительным человеком, чему содействовали его великая щедрость и способность к дружбе. Неоплаченный долг, которым я обязан ему, – не во «влиянии», как обычно его понимают, а в настойчивом ободрении. Я всегда пестовал идею, что мои «безделки» могут быть больше, чем приватным хобби. Но если бы не его интерес и непрестанная жажда большего, я никогда не дошёл бы «Властелина Колец» до завершения
Дж. Р.-Р. Толкин

Кто-то считает, что Инклинги¹ – это литературный клуб. Но по сути это был прежде всего узкий круг друзей, и настоящая его история началась после обращения одного из них к утраченной вере.

Чарльз Уильямс, К.С. Льюис, Дж. Р.-Р. Толкин

Продолжение на с. 3

Продолжение на с. 2

О тени уныния и радостных батюшках

Начало на с. 1

Поэтому я прочитал статью о Георгия, написанную им под псевдонимом «Н. Герасимов», и был крайне раздосадован, поскольку стало очевидно, что в докладе о. Аркадия были смещены (не знаю уж, вольно или невольно) многие важные акценты. Я написал тогда небольшую статью для журнала «Православная община» – как бы возражения на критику о. Аркадия, – но одновременно понял, что моих возражений явно недостаточно, что по многим вопросам должен прозвучать голос самого о. Георгия, к которому высказывались столь многочисленные претензии. Так возникла идея самого первого моего интервью с о. Георгием.

При этом я исходил из того, что деятельность о. Георгия может встречать нарекания и возражения, и само по себе это нормально. Однако о. Георгий должен иметь возможность ответить на претензии в свой адрес, а вот с этим были большие проблемы, и главная из них – сама тональность критики, совершенно безапелляционная. Ведь не станешь же возражать человеку, которого так захлестывают эмоции, что он не даёт тебе рта открыть и вообще ничего не желает от тебя слышать? В общем, я хотел в спокойном тоне и в вопросительной форме предъявить о. Георгию те соображения, которые в утвердительной форме и в тоне, не терпящем возражений, предъявляли ему его оппоненты. Как бы организовать внутрицерковный диалог, который в нормальном случае должен был бы происходить, как сейчас говорят, на каких-то других площадках, но в реалиях постсоветской жизни церкви и общества явно иначе не складывался.

За первым интервью вскоре последовало второе – просто потому, что за один раз мы не обо всём успели поговорить. Потом с критикой богослужебных переводов о. Георгия выступил о. Валентин Асмус, и надо было подробно отвечать ему (ещё два интервью). Потом представители Свято-Тихоновского института обвинили о. Георгия во множестве разнообразных ересей – надо было отвечать им. Потом, спустя много лет, в интернет-СМИ прошла кампания по обвинению о. Георгия в сектантстве – надо было отвечать и на эти инсинуации. При этом перечень обсуждаемых вопросов фактически определяли не мы, а наши оппоненты: я старался лишь озвучить саму суть их возражений, а о. Георгий добросовестно на них отвечал.

Кому могли быть интересными эти долгие и, возможно, несколько занудные беседы? Только тем, кто действительно хотел вникнуть в суть разногласий по нередко непонятым вопросам внутрицерковной жизни. Прежде всего, конечно, членам Преображенского братства, которые жили и живут не в безвоздушном пространстве, а в Русской православной

церкви, и нередко сталкиваются с неприятием и даже отторжением, обычно совершенно необоснованным. Естественно, они вынуждены всерьёз задумываться о своём месте в церкви, и ответы о. Георгия дают возможность сформировать более обоснованную и взвешенную позицию. Хотя, можно надеяться, что интервью будут интересны не только членам братства, но всем, кто захочет узнать позицию о. Георгия по многим актуальным вопросам церковной жизни, что называется, «из первых рук».

Впрочем, далеко не всегда наши интервью носили вынужденно апологетический характер. В некоторых случаях внутри самого Преображенского братства возникала нужда в осмыслении и уяснении важных сторон нашей жизни в широком церковном и общественном контексте. Меня несколько раз просили поговорить с о. Георгием и более дотошно расспросить его, что он думает по тем или другим вопросам. Так появились интервью, посвящённые перспективам деятельности Свято-Филаретовского института, а также принципиальной важности правильно – пред лицом Божиим – обустроенного общения в его «горизонтальном» и «вертикальном» измерениях.

Наконец, три интервью состоялись в связи с юбилеями: два (за один разговор опять не уложились) – в связи с 60-летием о. Георгия (здесь он рассказывал о своём жизненном пути), одно – совсем недавно – в связи с приближением 25-летия Преображенского братства.

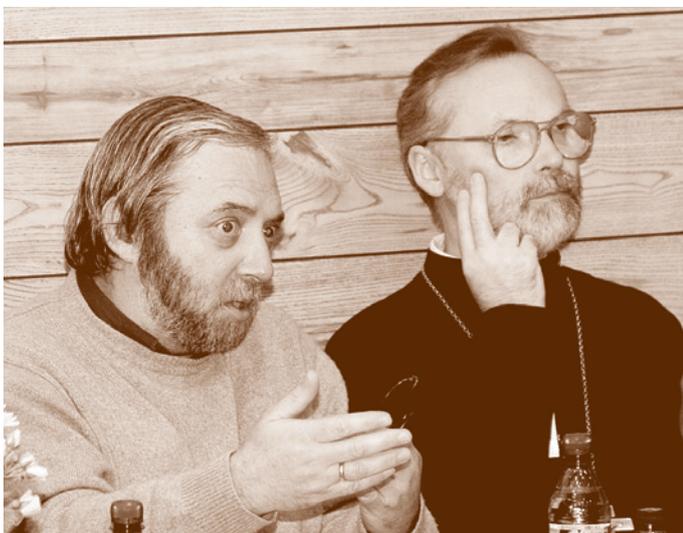
Все интервью записывались на диктофон, потом по возможности дословно расшифровывались и немного литературно обрабатывались, с тем, однако, чтобы в тексте сохранился аромат устной речи. После этого они, чаще всего, так или иначе публиковались – в журнале «Православная община», в «Сретенском листке», в сборнике «Христианский вестник», в ротапринтной брошюре, а в последние годы – иногда просто размещались в интернете. Тем не менее три интервью сейчас публикуются впервые: одно из двух (второе) к 60-летию о. Георгия (его предполагалось сделать в жанре видеointerview, но из-за неудачно проведённой съёмки это не удалось, а оформить в печатном виде руки не доходили); разговор об СФИ был опубликован в газете «Кифа» частично; а самая последняя беседа состоялась в связи с подготовкой данного сборника и отдельно ещё не публиковалась.

Из интервью к 25-летию Преображенского братства

С. Смирнов: 25-летний опыт, наверное, даёт какие-то основания для надежды. Потому что действительно можно, как говорится, воочию видеть людей – какие они приходят на оглашение и какими потом становятся.

Отец Георгий: Совершенно верно. И это может подтвердить не один, не два человека. Это могут подтвердить многие люди, что особенно ценно. Буквально тысячи людей. Конечно, я не считаю, как некоторые, что церковь фактически являет себя только в нашем братстве, а больше нигде всерьёз себя не являет. Нет! Сегодня мы как раз слышали замечательное свидетельство отца Агафангела* о том, что есть действительно живые люди, есть живые начинания, есть живые надежды, реальные вещи, есть надежда на возрождение (особенно подалеже от каких-то формальных центров). Только на это возрождение надо действительно трудиться. Надо жизнь положить на это, а не просто что-то отдельное сделать и думать, что проблемы решатся.

* Игумен Агафангел (Белых), настоятель Свято-Николаевского собора в г. Валуйки Белгородской обл., руководитель миссионерского стана «Спасский» в п. Тикси, республика Саха (Якутия).

Сергей Смирнов и священник Георгий Кочетков. 2009 год

Вы рассказали о том, что произошло и чего не произошло за 25 лет. А есть ли что-то, о чём Вы жалеете? Какая-нибудь серьёзная ошибка?

Фатального сожаления ни о чём нет. Такого, что было бы для нас фатально, каких-то ошибок или грехов, которые бы отвергли нас от лица Божьего и поколебали бы надежду? Нет, этого никогда не было. Другое дело, что, действительно, есть, о чём сожалеть, было много ошибок и грехов много. И требуется постоянная напряжённая работа (и чем дальше, тем более сложная, глубокая и серьёзная) для того, чтобы ошибок было меньше. Чтобы учиться и из истории, и из своей собственной жизни, и из жизни своих близких, друзей и ближних. Это верно, надо это делать. И этого много! Иногда удивляешься тому, что сразу не видишь какие-то возможности, которые пропустил. Или какие-то грехи и ошибки, которые недооценил, недопонял и т. д. Хотя, когда смотришь назад, кажется, что всё лежит на поверхности, можно было бы и избежать этих вещей.

Давайте тогда вперёд попробуем заглянуть. Как Вы сейчас представляете самые важные направления церковной и братской жизни следующие 25 или 50 лет? Или 150 лет? Я не знаю, какими горизонтами вы мыслите.

Я не загадываю на будущее, это очень опасно. Можно

оказаться слишком запрограммированным собственными мыслями и планами, прийти к самообольщению. Я считаю, что Господь такие чудеса творит, которые предвидеть нельзя. И они слишком серьёзны, слишком их много в нашей жизни. А участь их заблаговременно невозможно.

Тем не менее, я думаю, что наша жизнь будет сложнее, скажу откровенно. Я думаю, что дальше будет не проще, а труднее. И не только из-за возможных внешних трудностей и осложнений, которых всегда было предостаточно, просто жизнь такая. Мы должны идти вперёд. И если мы хотим всё-таки возродиться не только лично, в каком-то относительно небольшом числе членов братства, но послужить возрождению нашей церкви и нашего народа, общества, нашей земли, то это огромная задача. Надо её осмыслить, надо её решать.

Я думаю, здесь ещё много чего откроется. Мы уже были необыкновенно обрадованы, когда вдруг обнаружили совершенно особенную историю – историю общинно-братского движения, историю катехизации в христианской церкви, историю святых новомучеников, историю богослужебных переводов. Это всё было для нас просто откровением, мы никогда ничего подобного не знали и не слышали. Это Господь дал нам какой-то необыкновенный дар, нечто такое замечательное, что подтверждает нам правильность нашего выбора.

Инклинги

Начало на с. 1

Льюис, подобно одной своей героине, «отошёл от христианства в детстве – тогда же, когда перестал верить в Санта-Клауса». Решающую роль в смене его взглядов сыграло знакомство с Толкином. Тот с горечью воспринимал безверие Льюиса. Они много спорили – о культуре и мифологии, о смысле жизни и творчества. В итоге к концу 1920-х Льюис уже мог сказать о себе, что «верит в Бога», однако христианства понять и принять не мог.

19 сентября 1931 г. Толкин и Хью Дайсон (тоже филолог, некогда однокашник Н. Когхилла по Эксетеру, преподававший в университете Рединга; он был христианином, и притом весьма изощрённым в спорах) встретились за поздним обедом у Льюиса в Модлин-Колледже. Послеобеденная прогулка затянулась за полночь, а потом до трёх ночи разговор продолжался в апартаментах Льюиса. Толкин и Дайсон пытались втолковать другу суть и смысл искупительной жертвы Христа и Его Воскресения. Толкин спросил Льюиса, почему жертва Христа неясна ему, когда он понимает языческие мифы о жертве за других или об умирающих и воскресающих богах. Льюис заметил, что мифы – всего лишь «посеребрённая ложь». «Нет, – отрезал Толкин, – не ложь». Миф, продолжал он, лишь следствие человеческих понятий, иногда выдумок об истине, но они преломляют истинное, идущее от Бога знание. Становясь «со-творцом», давая волю фантазии, человек ищет дорогу к Творцу, к той ступени подобия Ему, которая была дана до грехопадения. Мифы пусть неверными путями, но могут вести к истине, в отличие от технического, чисто

материального и оттого ведущего в бездну «прогресса». В Евангелии, волею истинного Творца и Автора этого мира, мифов позволено было стать Истиной. «Тогда, – ответил Льюис, – я начинаю понимать...»

Льюис вернулся к вере, но попытки Толкина привести его в Римскую церковь кончились ничем. Льюис стал протестантом (каковым, кстати, являлся и Дайсон) и вернулся в церковь своих родителей – официальную Церковь Англии. Толкин воспринял это обстоятельство с печалью и определённым разочарованием. Но дружбе их это тогда вовсе не мешало, хотя вызывало немало споров. В своем дневнике Толкин писал: «Дружба с Льюисом искупает многое и, помимо радости и утешения, приносит мне большую пользу от общения с человеком порядочным, отважным, умным – ученым, поэтом и философом – и к тому же теперь, после длительного паломничества, наконец-то любящим Господа нашего».

Всё в том же 1931 г. друзья стали посещать литературный кружок студентов и преподавателей Оксфорда, носивший название «Инклинги» – и стали центром этого небольшого круга.

Никакой реальной системы членства в нём не существовало. Некоторые из Инклингов присутствовали на заседаниях клуба более-менее регулярно, другие же были случайными гостями. Помимо Льюиса, без которого любое собрание казалось немислимым (друзья звали его Джек) и почти всегда присутствовавшего Толкина (прозванного Толлерс), среди тех, кто посещал собрания клуба до и во время войны, были майор Уоррен Льюис

(брат К.С. Льюиса, известен под именем Уорни), Р.Э. Хейуорд (оксфордский врач, лечил домашних Льюиса и Толкина), Хьюго Дайсон и друг Льюиса Оуэн Барфилд (следует, правда, заметить, что, будучи лондонским поверенным, Барфилд бывал на собраниях редко). В начале тридцатых годов ни один из них не был профессиональным писателем.

Дело было полностью пущено на самотёк. Трудно представить себе, чтобы еженедельно каждый из Инклингов обязательно приходил на собрание или присылал извинение за вынужденное отсутствие. Тем не менее имелись некоторые постоянные правила. Собирались обычно утром по вторникам в пабе «Орёл и дитя» (известном под фамильярным названием «Птичка и малыш»), по четвергам же к девяти часам вечера приходили в большую гостиную Льюиса в колледже Магдалины. Подавался чай, раскуривались трубки, а затем Льюис громкогласно вопрошал: «Ну, имеет кто-нибудь что-нибудь нам прочесть?» Кто-нибудь извлекал рукопись и начинал читать вслух. Это могли оказаться стихи, рассказ, глава. Именно так читался не опубликованный ещё в то время «Хоббит». Далее следовал разбор: иногда хвалили, порой и ругали, поскольку взаимообожание в клубе не культивировалось. Чтение могло затянуться, а обсуждение в конце концов переходило в беседу общего характера. Иногда разгорались споры. Всё собрание завершалось поздно ночью.

Ядро кружка составили Льюис, Толкин и Дайсон. Это и определило его не просто как клуб по интересам, но как сообщество единомышленников – не только в литературе, но и в мировоз-

зрении. Льюис и позднее в переписке с Толкином определял как «своих», с одной стороны, приверженцев мифопоэтического творчества, а с другой, и в первую очередь, – христиан. Четвёртым из важнейших членов кружка в первый период его существования был Оуэн Барфилд, старый друг Льюиса. Однако он на заседаниях бывал редко, а кроме того, заметно отличался от большинства своими взглядами – он был антропософом. И Льюис, и тем более Толкин весьма скептически относились к скрещиванию теорий Штайнера с христианством, и с Барфилдом спорили.

В 1939 году, вскоре после начала войны, к группе присоединился ещё один человек. Это был Чарльз Уильямс. Льюис и раньше был знаком с ним и очень любил его, а с Толкиным они прежде виделись всего один-два раза и теперь быстро почувствовали взаимную симпатию. Тем не менее литературное творчество Уильямса и его мировоззрение Толкина настораживали, а иногда пугали: Уильямс писал трактаты по мистическому богословию, вполне в духе английского протестантизма, – и

в то же время труды по истории магии. Среди его произведений, помимо «мистических триллеров» и теологических трактатов, – стихи и поэмы на историко-мистические сюжеты, в том числе цикл, посвящённый артуровской Британии (и именно благодаря его влиянию в «Мерзейшей мощи», последней из книг «Космической трилогии» Льюиса, появились «артуровские» мотивы, что очень огорчило Толкина). Это несогласие и непонимание парадоксальным образом сочеталось с приятностью; позже Толкин писал о своих отношениях с Уильямсом: «Каждый из нас нашёл у другого (или скорее способ самовыражения, темперамент) столь же непроницаемым в том, что касалось “литературы”, сколь восхитительным мы находили личное общение друг с другом». Там же Толкин вспоминает: «Мы оба слушали... фрагменты трудов друг друга, читаемые вслух; потому что К.С.Л.² (дивный человек), казалось, способен радоваться нам обоим».

Смерть Чарльза Уильямса в 1945 году нанесла «Инклингам» сильный удар³. Определённую роль в распаде

круга сыграла и отнимавшая все силы работа Толкина над завершением «Властелина колец». Но главной причиной распада «Инклингов» скорее всего послужило то, что в 1954 году Льюис был вынужден уехать в Кембридж (кто-то из исследователей называет ещё и женитьбу Льюиса в 1957 году).

В конечном счёте, после нескольких десятилетий регулярные встречи сошли на нет, а отношения друзей стали более прохладными. Однако именно «Инклинги», по общему признанию, стали той почвой, на которой выросли лучшие цветы апологетической английской литературы XX века.

В обзоре использованы материалы статьи С. Алексеева «Инклинги. По материалам “Биографии Толкина” Х. Карпентера», опубликованной в журнале «Знание – Сила» № 6 за 1998 г.

¹ Слово «Inkling» буквально переводится как «намёк», но его можно рассматривать и как производное от существительного Ink (чернила), означающее «из чернильного рода».

² Клайв Стейплз Льюис.

³ В Оксфорде живёт стойкое предание, что Уильямс предложил Богу свою жизнь за тех, кто страдает от войны, и умер ровно через неделю после установления мира.

«Нигде, о Господи, такого града нет, есть лишь видение, и только...»

Наверное, нет человека на земле, который не слышал хоть что-нибудь о короле Артуре и рыцарях Круглого стола и о столице Артура – Камелоте, которому посвящена вынесенная в заглавие строка Теннисона. Однако вряд ли многие смогут вспомнить какие-либо подробности общей жизни этого круга, разве что пресловутый круглый стол. Поэтому, раз уж мы оказались сегодня в Англии, хотелось бы привести здесь несколько цитат из вобравшего в себя более ранние сказания повествования Томаса Мэлори «Смерть Артура».

Вот знаменитая клятва рыцарей Круглого стола: «...Собрал у себя король Артур всех рыцарей и наставил их никогда не совершать грабежей и убийств, бежать измены и даровать пощаду тому, кто испросит, – иначе утратят они навечно добрую славу и покровительство короля Артура; а также всегда заступаться за дам, девиц, благородных женщин и вдов, защищать их права и никогда не учинять над ними насилия под страхом смерти. И ещё наставлял их Артур, чтобы ни один из них не подымал оружия для несправедливой войны – ни ради славы и ни за какие богатства земные. И в том поклялись ему все рыцари Круглого Стола, и молодые и старые. И с тех пор каждый год повторяли они свою клятву в день великого праздника Пятидесятницы».

А вот удивительное описание трапезы, мало напоминающей наши представления о диких средневековых пирах: «Король и все сословия возвратились назад в Камелот, и собрались все к вечерней молитве в большом монастыре. А после того вернулись к ужину, и всякий рыцарь уселся на своём месте, как и прежде. И вдруг послышался треск и грохот грома, так что всем почудилось, что сейчас весь дворец рассыплется в прах. Но ещё не смолк громовый раскат, а уже проник к ним туда солнечный луч, в семь раз яснее, чем в самый ясный день, и всех, кто там был, осветила благодать Духа Святого. И посмотрели рыцари один на другого, и каждый показался остальным словно бы прекраснее видом, чем прежде. Но долгое время ни один из них не мог вымолвить ни слова, и они лишь сидели и смотрели друг на друга, как немые».

Но вот очутились в зале священная чаша Грааль* под белым парчовым покровом, однако никому не дано было видеть её и ту, что её внесла. Только наполнилась зала сладостными ароматами, и перед каждым рыцарем оказались яства и на-

питки, какие были ему всего более по вкусу. И была священная чаша Грааль пронесена через всю залу и исчезла неведомо как и куда.

И тогда все вздохнули и вновь обрели дар речи, и король вознёс хвалу Господу за благодать, что была им ниспослана.

– Воистину, – молвил король, – нам надлежит горячо возблагодарить Господа нашего Иисуса Христа за чудеса, которые он сподобил нас увидеть ныне, в славный день высокого праздника Пятидесятницы».

И наконец, упоминание об этом круге как о братстве (которому всегда угрожают и внешние враги, и предательство):

«Вот съехались два рыцаря, один ехал из Камелота, другой же держал путь с севера. Поздоровались они и стали друг у друга спрашивать».

– Какие вести из Камелота? – спрашивает один.

– Клянусь головой, – второй отвечает, – был я там, видел двор короля Артура, и там собралось рыцарское братство, которое ничто не нарушит, ведь с Артуром чуть не весь мир, ибо у него цвет рыцарства. Для того и скачу я теперь на север – чтобы рассказать вождям нашим о великом боевом товариществе, что сплотилось вокруг короля Артура.

– Ну, – сказал тут первый рыцарь, – против этого везу я с собой надёжное средство; сильнейший яд, о каком только слышали на земле. С ним поспеваю я в Камелот, ибо там у нас есть друг среди приближённых короля, и он отравит короля Артура – так он поклялся нашим вождям и получил за это вперёд большое вознаграждение».

Конечно, если продолжить читать эти сказания подробно, нас, несомненно, будет ждать разочарование в персонажах артуровского цикла: вряд ли кто-нибудь, разве что кроме сэра Галахада, перешёл бы на второй этап оглашения, слышком уж вольно они обращались с седьмой заповедью. Но легенда о дружеском круге, ставшем основой государства, продолжает жить (и не только в английской традиции), стремясь в свою меру противостать разделению и холоду окружающего нас мира.

Материал подготовлен Александрой Ошариной

* В легендах артуровского цикла это чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого на кресте Спасителя.

